

Учропка 3

газеты
«Ленинские
искорки» —
орган
Ленинградского
Обкома и
Кр.кома
Ленинградского
Совета
писательской
организации
имени
В. И. Ленина

МАРТ • 1968

год издания XII

ВАМ ПРОДОЛЖАТЬ

К 100-летию со дня рождения
Алексея Максимовича
ГОРЬКОГО

РОВНО тридцать лет назад, в 1938 году, издательство «Детская литература» выпустило в свет книгу в красивом синем переплёте. Книга эта рассказывала о далёком Севере нашей родины и называлась «Мы из Игарки».

Десятки тысяч книг выпускаются в нашей стране. Но эта книга была особенной. Во-первых, с начала и до конца её написали ребята. Во-вторых, первым редактором этой книги был замечательный русский писатель Алексей Максимович Горький. Он дал ребятам план этой книги, внимательно следил за работой, помогал советами.

«Бесполезных знаний нет, — писал он юным жителям Игарки. — Поэтому я очень одобряю ваше желание написать книжку о пионерах Заполярья. В работе над этой книжкой вы кое-чему научитесь, а если книжка будет удачной — научите и других. Действуйте смелее... Не забывайте, что вашу книжку будут читать тысячи детей Союза, да, пожалуй, и за границу перескочит она...»

Книжка и в самом деле получилась интересной. Но Алексей Максимович помогал не только ребятам из Игарки. Переписывался он чуть ли не со всеми школьниками страны.

Пионерам Иркутска он писал:

«Особенно приятно знать, что учитесь вы усердно, с любовью. Так и надобно, ребята, науку надо любить — у людей нет силы более мощной и победоносной, чем наука.

...Нам нужны сотни тысяч врачей, учителей, инженеров, музыкантов, актёров, поэтов... нужна армия людей, которые занялись бы поисками и разработкой сокровищ, лежащих в недрах нашей земли.

...Ребята, всё это вы должны знать! Всё, что было вчера и делается сегодня, должно быть известно вам, ибо вы призваны историей продолжать дела отцов ваших не только в своей стране, но и во всём мире».

Вы не подумайте, будто Алексею Максимовичу только и дела было, что письма писать.

Горький всегда был загружен работой. Он много писал сам, руководил работой Союза писателей, редактировал ряд журналов, читал рукописи молодых писателей и помогал им. Просто удивительно, где он находил время на переписку с пионерами. И не только находил его, но и заботился о том, чтобы в библиотеках самых отдалённых школ страны были хорошие книги, чтобы жизнь у ребят была интересной и радостной.

А когда он встречался с пионерами и они спрашивали о том, как прошло его детство, он обычно отмалчивался или советовал прочитать свою книгу «Детство».

Страшная это книга.

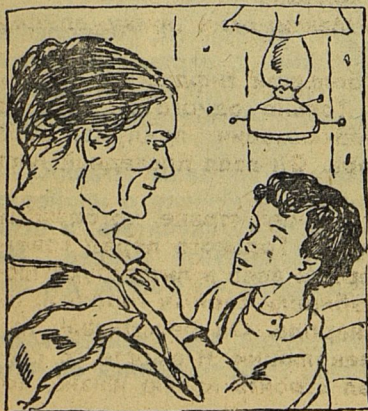
Перед глазами читателя встаёт приземистый, грязно-розовый дом с нахлобученной крышей и подслеповатыми окнами — дом деда Каширина в Нижнем Новгороде. В маленьких полутёмных комнатах тесно. Везде стоит запах фуксина и купороса.

Бесконечные попреки, грубая ругань, жестокие порки, разговоры о деньгах, жадность, унылые призывы к богу — вот что с детства окружало будущего писателя.

Несчастья сыпались на маленького Алёшу, как из рога изобилия. Четырёх лет он болел холерой, восьми — оспой. Работал «мальчиком» в магазине обуви, сильно обварил себя щами. Его избивали дома и «в людях» так, что однажды пришлось везти в больницу, и доктор вынул из его тела сорок две щепочки: били его в тот раз пучком сосновой лучины. Охотник в лесу по ошибке всадил в него заряд дроби...

Только бабушка поддерживала в Алёше простую и удивительную веру в человеческое счастье, не давала озлобиться и стать жестоким. Всё было в бабушке доброе, лучистое, тёплое. И маленький Алёша хорошо понял, что не все люди на свете злы, что несчастными людей делают условия, в которых они живут. И он начал жадно мечтать о мире, в котором действовали бы справедливые и мудрые законы, дающие человеку возможность спокойно работать, свободно учиться и красиво отдыхать.

Став юношей, он начал искать лю-

дей, которые тоже мечтают об этом, и скоро нашел таких, познакомился с ними.

Это были революционеры.

Царское правительство преследовало революционеров, сажало их в тюрьмы, ссылало на каторгу. За малейшую связь с ними люди попадали под надзор полиции. Попал под надзор и Алексей Максимович. В нижегородской охранке на него завели коричневую папку, которая называлась: «Дело департамента полиции о мещанине Алексее Пешкове. Начато 1 ноября 1889 года».

Жить в Нижнем Новгороде стало невыносимо. Поднадзорный Пешков покинул город и пошёл странствовать по Руси. Он хотел лучше узнать свою страну, повидать людей, посмотреть, как они живут, услышать, что думают.

«Посеяны звёзды в небе, и земля — звезда; посеяны люди на земле, и я среди них, чтобы бесстрашно ходить по всем дорогам, видеть всякое горе, всю радость жизни и вместе с людьми пить мёд и яд», — писал он позже о причине своих странствий.

Он прошёл пешком из Нижнего в Бессарабию, потом в южную Украину, пересёк Крым и Кубанские степи и наконец попал на Кавказ. Он видел море и корабли, табуны коней, степные костры, цыганские таборы, монахов, контрабандистов, землепашцев, поселян, нищих и странников. И везде было одно и то же — нужда, изнурительная работа, столкновения с полицией.

В Тифлисе Алексей Максимович встретил человека, который угадал его настоящее призвание. Это был Александр Мефодьевич Калюжный, участник революционной организации «Народная воля», бывший каторжник. Послушав несколько вечеров рассказы Пешкова о странствиях по России, Калюжный посоветовал:

— Пишите. Обязательно пишите об этом. Я знаю, у вас получится.

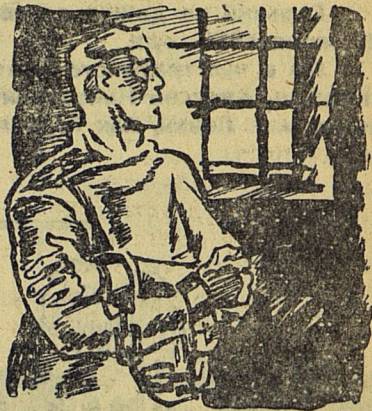
Сидя в тёмной полуподвальной комнатке, снятой у сапожника, Алексей Максимович набросал первые строки рассказа о своей встрече со старым цыганом в Бессарабии:

«С моря дул влажный холодный ветер, разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на ветер волны...»

Когда рассказ был окончен, Алексей Максимович придумал ему название: «Макар Чудра».

Калюжный отнёс рассказ в редакцию большой тифлисской газеты «Кавказ». Рассказ редактору понравился. Только одного не хватало в рукописи — подписи автора. Алексей Максимович придумал себе псевдоним тут же, сидя в кабинете редактора. Он взял последний лист рассказа и подписался: «Горький».

Сейчас, пожалуй, не найдёшь человека в нашей стране, который не читал книг Горького и не любил бы их. Заслуги Горького перед советской литературой огромны. Ведь это он впервые ввёл в литературу людей, которых старые писатели никогда не избирали своими героями, он обогатил людей знанием страны и нужд народа. Он бесстрашно выступал в защиту угнетённых и призывал к революции. И вместе со своим народом он радостно и увлечённо начал строить новую жизнь, когда революция совершилась.

На первых порах было невероятно трудно. Старые привычки у людей изжи-
ваются медленно и нелегко. Горький бо-
ролся против них всей силой своего та-
ланта и своей страсти. Будущее Совет-
ской страны он видел в детях. Вот по-
чему, до предела загруженный работой,
отдыхая иногда всего по шесть часов
в сутки, он находил время для перепис-
ки с ребятами.

«...Великими мучениями заплатил
трудовой народ земли за свою безгра-
мотность и малограмотность, — писал
он. — Ваши отцы, вырвав власть из рук
грабителей мира, открыли перед вами
широкий путь на высоту, достигнутую
наукой, и на вас возложена обязанность

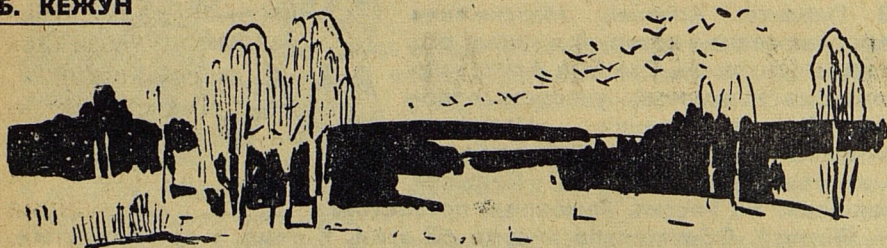
продолжать всемирное дело
отцов».

Горький не дожил до своего семидесятилетия. Он умер в ночь на
18 июня 1936 года.

Но в час траурного митинга на Красной площади другой большой
писатель Алексей Николаевич Толстой сказал, что у великих людей, —
таких, как Ленин, как Горький, — есть только одна дата: дата рожде-
ния.

Н. ВНУКОВ

Б. КЕЖУН

СТИХИ О ВЕСНЕ

Герасим Грачовник грачей пригнал.
(Народная поговорка)

Запели капели,
Забулькал ручей...
Герасим Грачовник
Скликает грачей.
Для луга и пашни,
Для рощ и лесов —
Он их выпускает
Из двух рукавов.
И целыми днями
Разносится карк:
— Грачи захватили
Густой лесопарк!
Поводят крылами
И громко кричат:

— Мы выведем стаи
Горластых грачат!
На белых берёзах
Вьют гнёзда грачи.
Их черные перья —
Как тени в ночи.
В пласт пахоты
рыхлой
Бьёт вдумчиво грач
И слушает землю,
Как в трубочку врач.
Работают птицы,
Забыв про покой...
Герасим Грачовник —
Да кто он такой?

Быть может, он
просто
Шутник-острослов?
А, может,
Грачовник —
Старик птицелов,
Что возле грачей
Коротает деньки
И в школах ведёт
Юннатов кружки?..
Герасим Грачовник —
Не тот и не тот:
Так март называет
Сказитель народ!

САШКА размочил сухарь, бурый, твердый, как плитка столярного клея, и стал жевать его, запивая горячей, кисловатой от брусники водой. Кусочек шпигу, выданный на завтрак, он не смог донести до землянки. Не утерпел, съел по дороге.

Голодно жили партизаны последние дни. Матрёна Яковлевна буквально из сил выби-

группу бойцов на вылазку к шоссе на дороге, — разведчики сообщили, что утром надо ожидать колонну автомашин с грузом.

Не успел Сашка дожевать сухарь, как в дверях землянки показалась Матрёна Яковлевна с карабином в руках.

— Есть тут кто? — спросила она. — Со свету не вижу.

— Входите, Матрёна Яковлевна, — проглотил недожёванный сухарь Сашка. — Вы к Виктору Николаевичу? Он сейчас придёт.

Оставив дверь открытой, Матрёна Яковлевна медленно прошла к нарам и устало опустилась рядом с Сашкой.

— Духота тут у тебя. — Она положила карабин на матрац и скинула платок с седой головы. — А на улице солнце играет.

Матрёна Яковлевна долго молчала, и Сашке было как-то неловко и странно сидеть возле неё. В смущении он налил из чайника кипятку:

— Вот... пейте. Сахару только нет.

Матрёна Яковлевна оставалась безучастной. Лицо её было мрачным. Глаза не мигая смотрели в одну точку. Наконец она очнулась:

— Вот послушай, что я тебе расскажу... Не возражаешь?.. С чего бы это начать?

Н. МОРОЗОВ

ДО СВИДАНИЯ, МИШКА!

Отрывок из повести «Звёздный час»

Рис. Ю. Шабанова

валась, но накормить досыта отряд не могла. Запасы продовольствия кончались. Соседние деревни и рады бы помочь, да у самих голод. Налёты на немецкие обозы тоже не давали желаемых результатов, — каждый раз трофеями оказывалось не продовольствие, а обмундирование. Нападать на склад около станции командир отряда не разрешал: «Разворошишь осиное гнездо, они станут кусать наших в посёлке». Сегодня он сам повёл

Ну вот... Жили на свете двое. Не важно, кто. К примеру, человек и собака... Э, да что там говорить! О себе я расскажу. Прошлым летом было. Собирала я малину в балке. Место там ягодное есть. Совсем рядом с избёнкой моей. Полное ведро набрала за какой-нибудь час. Стала сама угощаться. Прямо с куста ягода вкуснее, поэтому я поставила ведро к дереву и снова забралась в малинник. Сколько времени прошло, не знаю. Только глянула я в сторону того дерева и — что б ты думал? — около моего ведра медведь стоит. Огромный, лохматущий! Я не испугалась, нет! А он обнюхал мои ягоды и посматривает на меня круглым глазом. У меня и вырвалось: «Мишка, не трогай! Иди сюда и собирай сам!» И — подумать только! — мой Мишка послушался. Пришёл! Шагах в четырёх от меня встал на задние лапы и давай отправлять малину в пасть. Посмотрел бы кто на нас со стороны. Картина! — Матрёна Яковлевна улыбнулась. — Потом мы почти каждый день ягоды собирали. Придёт, бывало, когда я уже по кустам шарю. Чувствовал, что ли? Не следил же он за мной всё время! Привыкла я к Мишке так, что разговаривать с ним стала. Спросишь его что-нибудь, а он повернётся к тебе, покачает головой, будто что понимает, и снова за дело принимается. Но очень близко к себе не подпускал. И сам не подходил. Выдерживал дистанцию, стало быть. Как-то

принесла я ему свежей зайчатины. Положила на опрокинутое ведро, говорю: «Возьми, Мишенька! Возьми, хороший! Вкусно!» Сразу не взял. Сначала обнюхал, поворчал чего-то... А как съел, улёгся на траву, морду на лапы положил и долго смотрел на меня. Потом пропал мой Мишка. День не вижу, другой... Неделя прошла... Я даже расстроилась... А сегодня вот опять свиделись. — Матрёна Яковлевна вздохнула. — В яму он в мою попал. Не для него я готовила яму. Если б не голод тут у нас, я бы и не думала. А так... Огромный он...

— Может быть, это совсем и не он? — прошептал Сашка.

— То-то и оно, что он. Глаза-то только у него такие. И потом, когтя у него на передней лапе нет. Видать, потерял где-то. И шкура на том месте ободрана. Словом, мой Мишка! Я и не смогла... Пусть ребята пойдут, сами его... Я укажу.

— Как же это... вот так? — не зная, что и сказать, пробормотал Сашка.

— А как ещё?

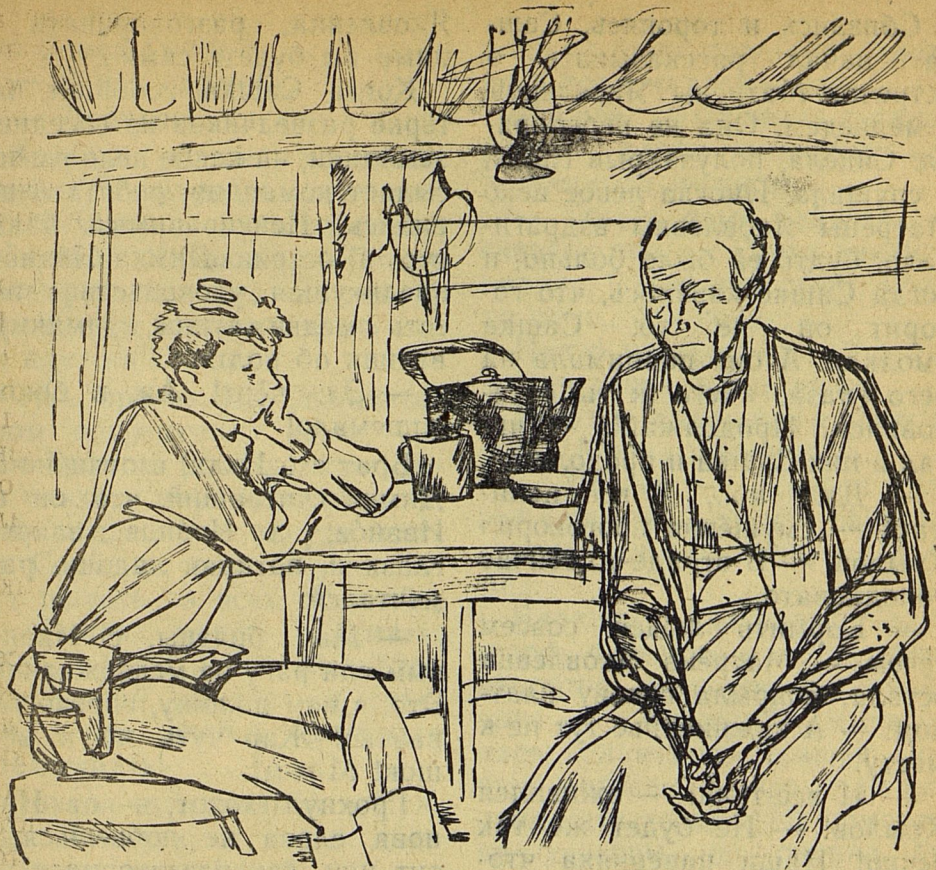
— Может быть, отпустить?

— Хорошо бы! Одно мешает... — Матрёна Яковлевна покачала головой.

— Я бы всё равно...

В этот момент в землянку вбежал Крылов. Секретарь райкома комсомола был Сашкиным непосредственным начальником. Он руководил разведчиками.

— Вот не ожидал, что вы у

нас! Здравствуйте, Матрёна Яковлевна! — сказал он.

— Здравствуй, Виктор Николаевич! Ожидал не ожидал, а принимай, раз ты начальник.

— Кто из нас больше начальник — это ещё надо посмотреть. А вам мы всегда рады. Я ведь почему сказал, что не ожидал увидеть вас здесь? Вы, кажется, в лес пошли?

— Всё знает разведчик! — усмехнулась Матрёна Яковлевна. — Ничего не утаишь. Ты вот что мне скажи: наши вернулись?

Крылов бросил кепку на нары.

— Пока нет.

— Тогда вот что. Ребята твой мне нужны часика на два. И лошадь. Медведя привезти в лагерь.

— Медведя?! Убили? Это же просто здёрово!

— Сами его убьют. В яме он. Живой. А я не могу, — тихо сказала Матрёна Яковлевна.

— Я бы на волю его выпустил, Виктор Николаевич, — вмешался Сашка. — Особенный это медведь. Хороший знакомый Матрёны Яковлевны.

— Знакомый?

— Ага.

Сбиваясь и торопясь, Сашка начал рассказывать о встречах Матрёны Яковлевны с медведем. Она не перебивала. Сидела, полузакрыв глаза, и слушала. Иногда левое веко Матрёны Яковлевны вздрагивало, будто ей было больно, и тогда Сашке казалось, что говорит он не то. Сашка умолкал. А она поднимала на него глаза. «Чего ж ты остановился? Продолжай!» — читал в них Сашка и продолжал.

— Да... но... Я всё понимаю, — смущённо проговорил Крылов. — В отряде-то сейчас голодноовато...

— Кормить людей совсем нечем. — Матрёна Яковлевна встала, покрыла голову платком. — А нежничанье тут не к месту.

— И всё-таки! — оживился Крылов. — Не будет же так вечно! Наши наверняка что-нибудь раздобудут. А раз так, то стоит ли губить хорошего зверя?

Сашка поддакнул:

— Конечно! Я же говорю!

— Может быть, а может и не быть. Давай, начальник, ребят! — Матрёна Яковлевна боялась, как бы потом партизаны не пожалели, что отпустили медведя.

— Обождите хоть до возвращения наших! — воскликнул Сашка.

— Ну вот что, Матрёна Яковлевна, — твёрдо сказал Крылов. — Вы вольны поступать как хотите. Медведь ваш. Ребят я дам. Саша, сбегай! Запрягите лошадь и подъезжайте сюда. Но... Матрёна

Яковлевна, разговаривать с ними вы будете сами...

Когда Сашка сообщил пятёрке разведчиков из соседней землянки, на какое дело их посылает командир, ребята оживились. Неисправимый балагур и остряк Димка Иванов, предвкушая удовольствие поесть медвежатины, шмякнул ватник об пол:

— Эх, чёрт! Аж в брюхе защемило!

Брат его Иван, в отличие от Димки считавший, что он не Иванов, а Ива́нов, закрыл глаза и, потирая ладони, размечтался:

— Мы, братцы, с Ива́новым ели рагу из медвежатины. Это, я вам доложу, варево так варево! Жир чуть не в вершок! М-м-м!..

Грохнул хохот, — от Ива́нова слова не добьешься, а тут ишь как разговорился!

— Хватит вам заливать-ся! — сказал Сашка. — Вы послушайте сначала...

Он второй раз пересказал историю взаимоотношений между медведем и Матрёной Яковлевной. Ребята пришли в замешательство.

— Да-а, — протянул Иванов. — Ситуация!

— Ясно, — вздохнув, сказал Ива́нов.

— Поехали! — решительно произнёс старший в пятёрке Семён Громов.

Крылов из землянки не вышел.

Матрёна Яковлевна встретила ребят вопросом:

— Делать что знаете?

— Знаем, — за всех отве-

тил Семён Громов.

— Я вас провожу.

— Поехали!..

Впереди Сашки медленно шагала, покачиваясь взад-вперёд и заложив руки за спину, Матрёна Яковлевна. Сашке почему-то пришла в голову мысль, что вот так в кино люди идут на казнь.

Чуть правее над Сашкиным ухом пошмыгивал носом Семён Громов. Сашка хотел было сказать ему: «Давай отпустим медведя!» — но удержался. Семён не ответит. Не станет решать за всех. А о нём, о Сашке, могут подумать: «Добреньким перед Матрёной Яковлевной выказаться захотел, а нас, значит, злодеями представить».

Позади шли Иванóв и Ива́нов. Молчали, и то и дело щелкали зажигалкой.

Последней тащила телегу Кимра — маленькая, послушная, ходкая лошадка. Правил ею Владик; в отряде его ласково звали «Малыш» — не за рост, а за то, что был он моложе всех.

С тропинки Матрёна Яковлевна круто свернула вправо, в сосновый бор.

Сашка знал это место, любил его. За какой-то особый, не лесной порядок во всём. Огромные, ладные сосны здесь были как на подбор.словно близнецы. И никакого другого дерева вокруг, никакого куста... А под ногами жёлтый-жёлтый мох, нежный, мягкий, как пуховое одеяло.

Под зелёными сводами бора

сегодня было просторно, светло и торжественно-тихо...

Матрёна Яковлевна остановилась перед внезапно открывшимся ложком.

— Теперь сами найдёте, — сказала она. — Слева увидите поляну. Сарай там стоит. Около него... А я пойду.

Никто не произнёс ей в ответ ни слова, и она ушла.

Ребята вытащили портсигары. Молча покурили.

— Пошли, — наконец сказал Громов и, примяв сапогом окурок, первым двинулся вперёд.

Владика с лошастью пришлось оставить в кустарнике напротив кривобокого сарайчика с заросшей зелёным мхом соломенной крышей. Почувяв медведя, Кимра не пожелала идти дальше. Не помогли ни уговоры, ни окрики, ни кнут.

Обогнули ребята сарайчик и вышли к одинокой умирающей ели. Весь верх её, до самой макушки, напоминал старую обшарканную метлу, и только нижние лапы некогда могучего дерева были ещё покрыты нечастыми зелёными иголками. К толстому почерневшему стволу ели привалился островерхий муравейник, недалеко от которого лежала груда свежих веток.

— Тут, — тихо сказал Громов и засунул руку в карман пиджака.

Медведь сидел на дне, на разворошённых берёзовых ветках. Уныло склонив голову и растопырив измазанные голубой глиной лапы, он тяжело

дышал, отчего огромное мохнатое тело его покачивалось. На ребят он не обратил никакого внимания, будто и не чувствовал, что те стоят на краях ямы и во все глаза смотрят на него.

У Сашки запершило в глотке, — жутковато было стоять рядом с могучим хозяином леса, — и он нечаянно кашлянул.

Мишка медленно повернул набок бороду, голубую, как и лапы, от глины, посмотрел одним глазом вверх и снова понулся, будто задремал.

Ребята осмелели, заулыбались даже. Семён Громов сел на корточки, добродушно обратился к Мишке:

— Что же это ты, батенька? Как же это ты так, а?

Мишка опять повернул морду, прислушался. Потом тихо промычал по-коровьи и вдруг вскинулся на дыбы.

Ребята замерли от неожиданности. А Мишка приблизился к стенке и, подвывая вполголоса, принялся яростно теревить глину. Ох, как ему хотелось вылезти из ямы!

Семён Громов басовито крикнул в кулак, чем дал понять подчинённым, что он ничуть не испугался.

— Вот ведь какую ямину вырыла! Тут не то что медведю, а и любому не выбраться.

— Верно, — поддакнул Ив́анов.

— Чего верно, чего верно!? — набросился на него Громов. — Чего ты стоишь? Чего рты раскрыли? Идите за бревном! Топор-то, поди, не

взяли? Учи да учи вас; всё без толку.

— А вдруг он на нас... того?.. — нисколько не обидевшись, спросил Ив́анов.

— Дурак ты, Ив́анов, как я посмотрю. И чего попусту балабонишь? Ты бы стал на нас «того»?

— Сравнил тоже!

— И сравнивать не буду.

— Да ладно вам, — перебил Ив́анов. — Пошли, Ив́анов!

Минут через пятнадцать они приволокли по длинной жердине, которые вряд ли могли выдержать многопудового медведя.

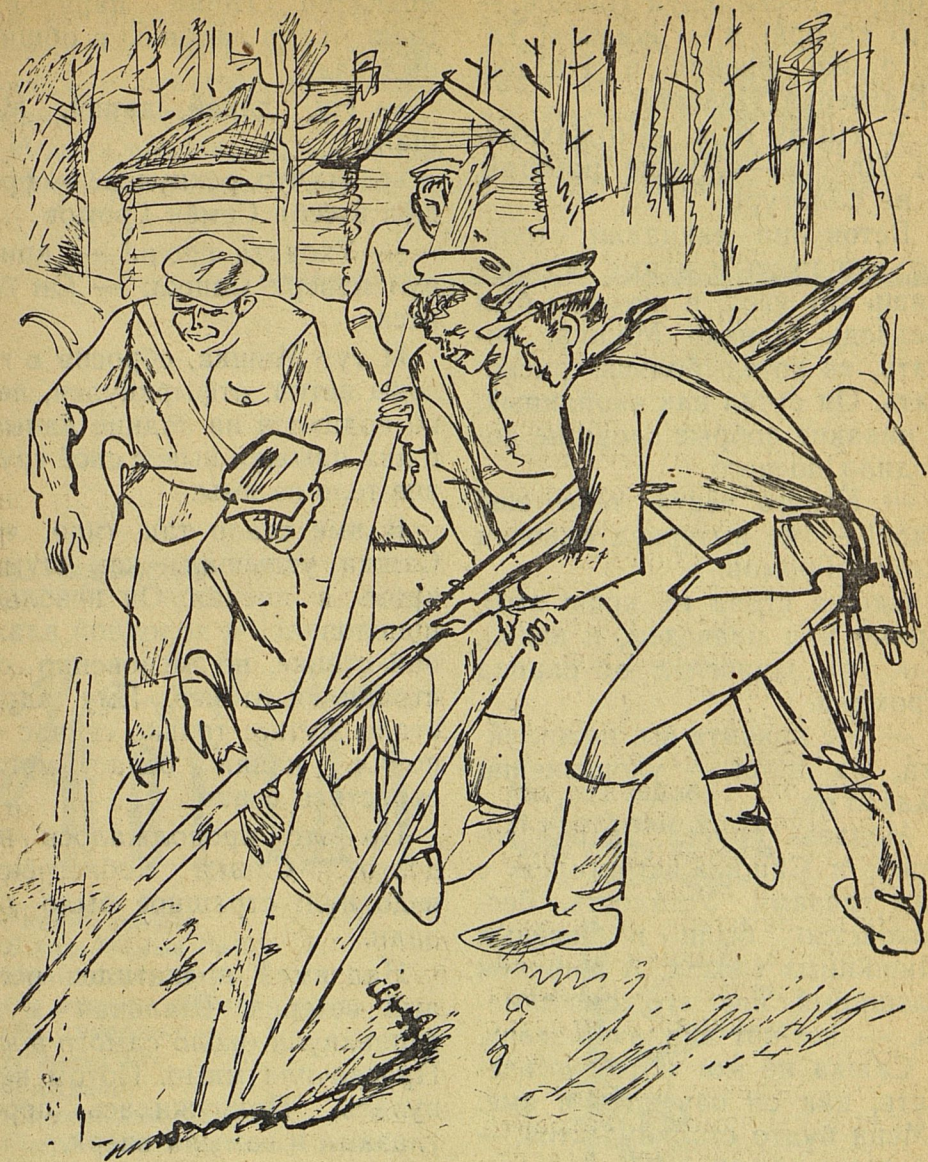
— Ничего подходящего нет. Ну и лес! — от досады Ив́анов сплюнул в сторону.

— Да-а, дела, — неопределённо произнёс Семён Громов и насупился. Он сам обегал всё вокруг и тоже не нашёл ничего подходящего. В сарае валялся комель осины, но он был короткий и, главное, трухлявый.

— Может всё-таки попробовать, а? — несмело сказал Саша и посмотрел на хмурого Семёна Громова.

— А что делать? Будем пробовать. Тащи-ка, Хлебников, пень тот окаанный. Авось сгодится.

Пока опускали в яму комель и втыкали в глинистое дно жердины, медведь покорно стоял, прижавшись к стенке, и смотрел на ребят. Потом он торопливо завозился: раскидал по сторонам ветки, обнюхал жерди, потрогал лоба-

стой головой трухлявый ко-
мель.

— Ну, давай, Мишка! —
сказал Семён Громов, отходя
в сторону.

Медведь засопел, встал на
дыбы и, неуклюже шагнув впе-
рёд, навалился всей тяжестью
на жердины. В тот же момент
жердины угрожающе затреща-
ли и переломились, как спич-

ки. Острый конец жердины за-
дел медведя за ноздрю. Он за-
мотал головой, заревел и сно-
ва встал к стенке.

— Так ни черта не вый-
дет! — выругался Семён Гро-
мов. — А что, если веток на-
кидать в яму? А? Навалим
груды — сам вылезет. Ну,
как?

— Ты гений, Семён Гро-

мов! — воскликнул Иванóв. — Это говорю я — Иванóв! Такого же мнения и Ива́нов. Подтверди, Ива́нов!

— Да ну тебя, — отмахнулся Ива́нов. — Лучше работай, а не балагурь.

Веток они накидали столько, что пустым в яме остался лишь тот угол, в котором был медведь. Однако Мишка, видать, не хотел больше рисковать. Он стоял как вкопанный, и никакие добрые слова не доходили до него.

— Какого чёрта тебе ещё надо! — не вытерпел наконец Семён Громов.

Сашка стоял на краю ямы, прямо над медведем, и видел, как тот вздрогнул от окрика Громова.

— Не кричите вы, пожалуйста, на него! — укоризненно сказал он.

Медведь присел, задрал голову, и Сашка встретился с ним глазами. Усталость, беспокойство были в зелёных Мишкиных глазах. А широкий плешивый нос его сморщился, — вот-вот заплачет зверь.

Сашка не мог потом объяснить, как он очутился в яме. «Меня будто толкнул кто», — рассказывал он.

Ребята буквально онемели, увидев Сашку рядом с медведем. Только Семён Громов как-то странно, по-женски, ойкнул и торопливо вытащил из кармана пистолет.

Медведь, от испуга ли или от чего другого, дёрнулся всем телом, привстал и, как страус, сунул голову в ветки. Сашка легонько похлопал Мишку по

мохнатой спине, пару раз толкнул его ладонью в обширный зад:

— Ну, давай, давай, Миша!..

— Ты что, рехнулся? — пришёл в себя Семён Громов.

— Уходите прочь! — крикнул наверх Сашка. — Он боится.

И тут Мишка, сбросив с головы ветки, отфыркнулся, легко поднялся на задние лапы и в два прыжка вынес своё грузное тело из ямы.

В яме стало так тихо, что Сашка слышал, как шумит кровь в висках. Он невольно прислонился к холодной влажной стенке, но мгновенно отстранился от неё. Ему вдруг стало жутко: только сейчас он понял, какая беда могла стрястись с ним.

Но это продолжалось недолго. Сашка облегчённо вздохнул: страшное было позади.

Над ямой прокатился весёлый ветерок. Шальная муха дзинькнула около самого носа. Проскочила мимо. Потом вернулась. Покружилась перед глазами и взмыла вверх.

«Убежит, не увижу», — подумал о медведе Сашка. Быстро забравшись на кучу веток, он выпрямился во весь рост и остолбенел. Медведь сидел совсем рядом и спокойно смотрел на ребят, стоявших у сарая. Ребята тоже глядели на Мишку, улыбались, перемигивались. Семён Громов убирал в карман пистолет.

В это время со стороны соснового бора отчётливо послышалось протяжное, тревожное ржание Кимры.

Мишка вскочил на все четыре лапы, мотнул головой и,

круто повернувшись, потрусил к лесу. Сначала медленно, боком-боком, с оглядкой. Потом всё быстрее и быстрее.

Сашка помахал ему рукой:
— До свиданья, Мишка!

Мих. САДОВСКИЙ

УХОДЯТ ПОЕЗДА

Уходят поезда
В загадочные дали,
Которых никогда,
Ни разу не видали.
Им интересно всё:
И слева что,
И справа,
Но тепловоз несёт
Вперёд змею состава.
Вагоны вслед за ним
Мелькают друг за другом
И грохотом своим
Приветствуют округу.
Вагонам —

жизнь своя,
Им отдыха не будет!
Их
В дальние края
Всегда

торопят люди.

Несутся поезда
В неведомые дали,
Чтоб люди никогда
Туда не опоздали.

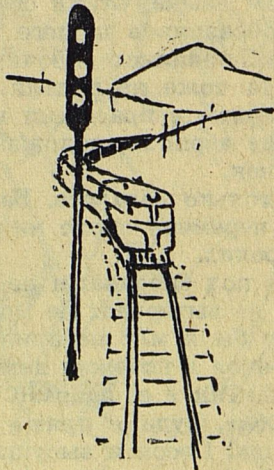

Рис. В. Адаева

п р и з

А линейке нам сказали, что в школе организуется выставка «Творчество наших учеников». И не просто выставка, а конкурс. За лучшую коллекцию или за лучшее творчество будет присуждён приз. Какой приз — не сказали. Так интереснее.

Я не собирал марок и не выпиливал из фанеры лобзиком. Я не был нумизматом и не выжигал увеличительным стеклом. И ещё много чего я не делал. Зато я хорошо бегал на длинные дистанции и любил цветы. Про цветы в школе, конечно, не знали...

Выставка уже собиралась понемножку. Ребята несли кто что мог: и спичечные этикетки, и вышивки, и фантики от конфет, и самодельные варежки, и фигурки из корней и сучьев, и значки... Даже пуговицы! Только коллекцию сигарет Робки Сантуряна не приняли. Его даже вызвали в учительскую, и Анна Ивановна долго выясняла: не курит ли Робка эти самые иностранные сигареты? И не выпрашивает ли он коробки у иностранцев возле Эрмитажа? Робка не курил и не выпрашивал. Это все знали. Просто Робкин отец — капитан дальнего плавания. Он и привозил эти красивые коробки, а Сантурян тут ни при чём. Но всё равно его коллекцию не приняли, и Робка страшно обиделся. Дня три он дулся, а потом принёс стихи на армянском языке. Стихи сразу же вывесили под стеклом.

Приём образчиков нашего творчества уже заканчивался, когда на выставке появились бабочки. Я таких никогда не видел. Да и другие ребята тоже не видели. Их было пять штук. И каждая — с ладонь. Чёрные с красными кружками. Как будто на бархат пролили красные чернила, подождали, пока они высохнут, а потом вырезали бабочек.

Но так только казалось. Бабочки были настоящие. Засушенные. На каждой перемене около них собиралась толпа ребят. И все смотрели, смотрели...

Подписи под бабочками не было. Был указан только класс.

И тут я не вытерпел. Не мог. Зло взяло! Раз можно не подписывать, почему бы и мне не принести?

После уроков я побежал домой и принёс чайную розу. Роза была почти живой. Так я её здорово высушил. Нет, не в книжке, а в картонной коробке, куда я прямо на цветок засыпал мелкий, горячий песок с залива. Песок и высушил розу. А потом я её осторожно вытащил, очистил от песчинок, и она стала такой, точно её сейчас совали.

— Подписывать не будешь? — спросила старшая вожатая.

Я смутился:

— Нет... Не стбит, пожалуй...

Вожатая чему-то улыбнулась.

— Ну, ладно, можно и без подписи.

Утром про бабочек все забыли. Ребята собирались у моей чайной розы и смотрели, как она сверкает на чёрном фоне подставки.

— Она из воска, — говорили одни.

— Нет, — отвечали другие. — Она из оранжереи и завтра завянет.

Назавтра роза не изменилась.

— Она из бумаги или лавсана, — появились новые догадки.

— Нет, она выточена из мрамора.

— Приз розе обеспечен, — вздыхали девчонки.

— А бабочки? Разве плохие бабочки? — спрашивал, чуть не плача, Борис Бабинцев. Он так настойчиво спрашивал, что я сразу догадался, чьи это красивые бабочки.

— Бабочки? — переспрашивали ребята. — Бабочки ничего. Но роза, разумеется, роза получит приз. Будь уверен, Боб!

Никакого приза я не получил. Моя роза исчезла.

Пионервожатая взволновалась:

— Ты её забрал?

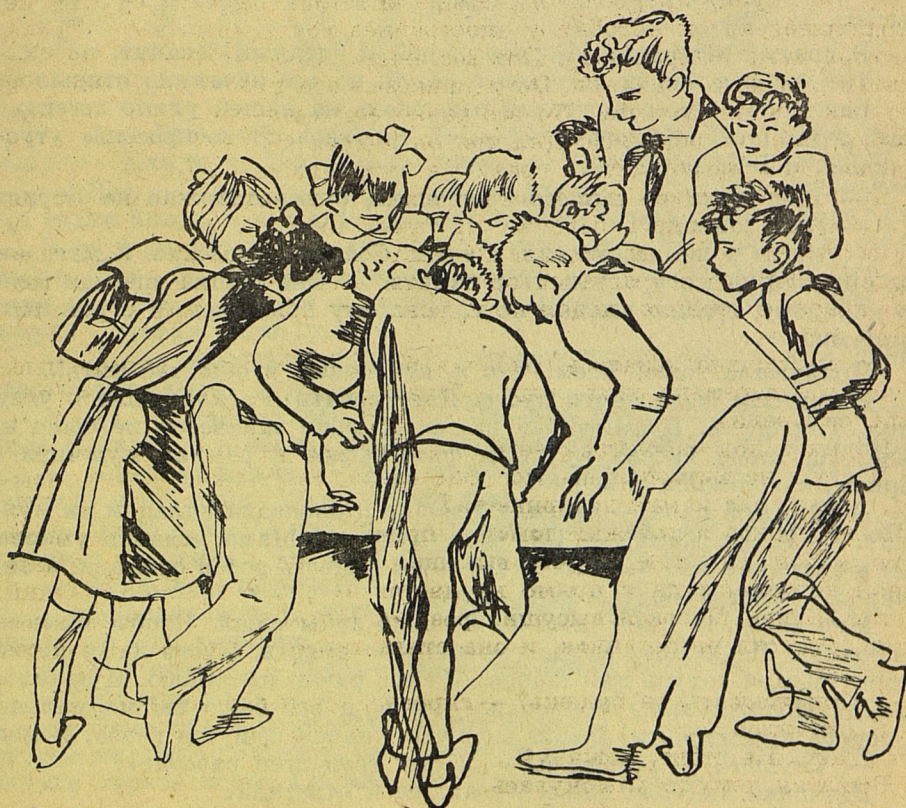
И почему-то я ответил «да», хотя нужно было сказать «нет».

— Зачем?

— Роза не может долго находиться при разной температуре. Ей нужна особая. И потом, я только хотел её показать, и всё. Без всякого приза.

— Завтра комиссия. Как жаль, как жаль, — вздыхала вожатая.

Не знаю, почему я сказал ей неправду. Вышло так. А то начнут искать, кто взял розу, и все узнают, кто её принёс. Пусть. Может,

так и лучше. Конечно, приятно бы получить приз, но потом... Потом смешки, шуточки всякие будут. Вот если бы я робота сделал, тогда другое дело. А тут — цветочки... Засмеют. И прозовут как-нибудь. «Анютины глазки», например.

Приз получил Бабинцев — большую говорящую куклу. Он очень радовался и ко всем приставал:

— Правда, замечательная кукла? Правда?

— Кукла в порядке, — отвечали ребята. — Но зачем она тебе? Ты же не девчонка? Хотя да, ты ведь ловишь бабочек!..

Борька не обращал никакого внимания на эти шуточки, а только бубнил:

— Это ясно и понятно. Она мне не нужна. Но эта кукла — то, что надо. Да, да. — И чему-то опять улыбался.

А Робку Сантурияна вызвали опять в учительскую. В комиссии был один армянский товарищ, и он перевёл стихи. Мы ждали Робку в коридоре. Сантуриян вышел из учительской красным. В руках у него была толстая книжка Лермонтова. Оказывается, этот жулик Робка здорово перевёл на армянский его стихотворение «На смерть поэта», — вот Сантурияна и наградили книгой. Робку мы, конечно, отлупили. Чтобы следующий раз не притворялся, а сразу говорил честно, что он не поэт, а переводчик. Он пообещал.

Через день после закрытия выставки мама мне говорит:

— Тебе передали какой-то пакет.

Я развернул. В коробке из-под ботинок лежала чайная роза. Невредимая.

— Кто передал? — спросил я маму.

— По-моему, мальчик. А может, и девочка. Такое румяное существо.

Я сразу прикинул: «Борька худой и бледный. Значит, не он...»

Так бы я и забыл историю с розой, но всё нечаянно открылось.

Бабинцеву и мне поручили разыскать на нашей улице легендарного деда, который воевал в армии Блюхера. В воскресенье утром я пошёл к Борьке.

— Тебе чего? — спросила девчонка, очень похожая на Бориса.

— Брат дома?

— Нет. Он немножко назад ушёл. Совсем немножко. В магазин. Ты проходи. Я могу и чаю тебе налить. — Она пошла впереди меня по коридору, громко клацая по паркетному полу своими огромными тапками.

Придумала тоже! Чаем! Что я, пенсионер, чтобы чай пить!..

В комнате было почти пусто. Две кровати. Раскладушка в углу. Стол. Три стула. И фанерный шкаф. И даже занавесок не было на окне. На стене висела крупная фотография в рамке: мужчина в чёрном, а женщина в белом.

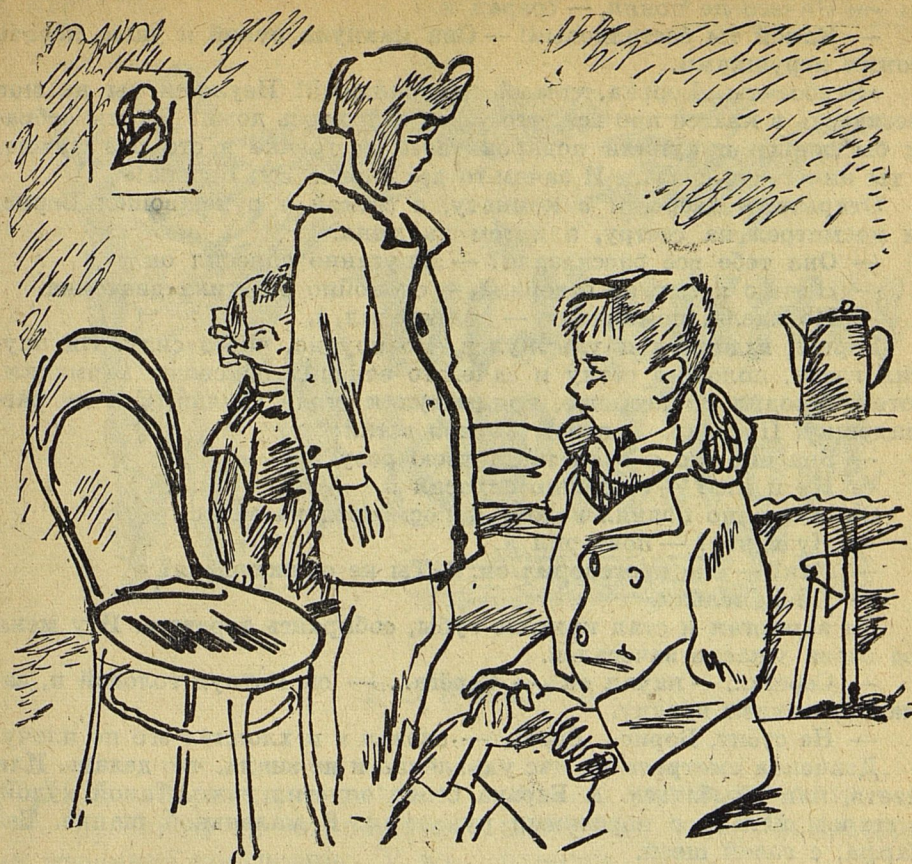
— Это мой папа, — сказала девочка и показала пальцем на мужчину. — А это мама. — Она вздохнула. — Мама недавно умерла. Мы в аварию с ней попали. Я две ноги и шесть ребёр сломала, а она умерла. — Сестра Борьки заплакала.

Мне её сразу стало жалко. Я даже зубы сжал. Чтобы тоже не заплакать. Не люблю, когда говорят про смерть. Пусть даже не человек умер, а голубь или щенок. Но всё равно не люблю. И зачем я вошёл? Подождал бы Бориса на улице, и всё было бы нормально. А теперь притворяйся. Делай вид, что ужасно чешутся глаза. И нос.

— Слушай, — говорю я, — а кем твой отец работает?

Девчонка вытерла слёзы кулаками и ответила:

— Киномехаником.

— А-а! Это очень здорово! Ты, наверное, бесплатно кино смотришь? — Как-то по-дурацки заговорил я, непонятно чему радуясь.

— Нет, — сказала она. — Ты же видишь — Я еще маленькая. Я в садик хожу. А в садике некогда в кино ходить. Там у нас режим.

Я не знал, что делать дальше, что говорить. Вот влип! Мне стало жарко. Хоть бы Борька пришёл скорее! А девчонка уставилась на меня и чего-то ждёт. Я в сторону посмотрел. И увидел куклу. Ту самую. Которая была призом.

— Какая красивая кукла, — глупо-преглупо сказал я и снова разозлился сам на себя.

— Да, — улыбнулась она. — Это мне Боря подарил. Я в больнице лежала. А у меня пришёл день рождения. Вот Боря и подарил.

— Хорошая кукла, — уже спокойнее сказал я, чтобы только не молчать и не видеть её грустных глаз.

— Он её в школе получил, — гордо сообщила девчонка и сразу шёпотом спросила: — Ты ничего не скажешь ему?

— Могила, — прошептал я.

Она прислушалась, чуть-чуть высунула язык и на цыпочках подошла ко мне поближе.

— Понимаешь, — начала она, — он куклу нечестно получил.

— То есть как?

— Нечестно, — повторила сестра Бориса. — Куклу должен был другой мальчик получить. За цветок. А Боря его спрятал, и бабочки заняли первое место. Он мне сам признался. Понял?

— Ничего не понял, — соврал я.

— Какой ты бестолковый! — Она махнула рукой и ушла играть своими игрушками.

«Барбос ты, Борька, самый натуральный! Неужели ты не мог рассказать в классе про всё, что у вас случилось дома? Да мы собрали бы деньги и купили подарок твоей сестрёнке в сто раз лучше. А ты ничего не сказал. И зачем-то всё скрыл. Эх, Борька!»

Открылась дверь, и в комнату, с сеткой в руке, вошёл Борис. Он посмотрел на сестру, а потом на меня.

— Она тебе всё рассказала? — испуганно спросил он.

— Ничего я ему не говорила, — спокойно ответила девчонка.

— Посидели, помолчали, — подтвердил я.

Борька вздохнул и улыбнулся. Но трудно, через силу. Он опустил глаза, положил сетку и зачем-то залазил по своим карманам. Потом заходил по комнате, придвинул к столу стулья. Сел на раскладушку. Посидел. А потом быстро встал:

— Знаешь, это я взял тогда твою розу.

— Ну и что? — спокойно спросил я.

Он медленно поднял голову и посмотрел на меня.

— Ну и что? — повторил я.

— Как? — еле проговорил он. — Ты не обижаешься?

— Ни капельки.

Он заморгал и стал кривить губы, собираясь зареветь. И у меня нос снова ужасно зачесался.

— Серёга... — начал он. — Серёга... — он мотнул головой и, заплакав, отошёл к окну.

— Не стбит, Борис... Брось, — сказал я и хлопнул его по плечу.

Девчонка смотрела на нас удивлённо и не знала, что делать. Или реветь, или улыбаться. А Борька стоял опустив руки. Такой худой. В старом пальто с короткими рукавами. В маленькой шапке. Без шарфа, с голой шеей.

— Брось, — ещё раз сказал я. — Лучше айда деда искать.

А потом мы долго колесили с ним по разным подъездам и только вечером нашли легендарного деда, воевавшего в армии Блюхера.

Тыжкины Крылья

П О В Е С Т Ь

ОТЕЦ побрился, надраил пуговицы и отправился на утреннее построение. У военных людей дисциплинка. Попробуй опоздать на построение полка! Тебе так опоздают, что не обрадуешься.

У Фени в санчасти можно опаздывать на сколько хочешь. Капитан медицинской службы Суслов распустил их до последней возможности. Феня могла одеваться и собираться на работу до обеда. Раньше у неё хоть отговорка была — вышивала портрет лейтенанта Грома. А теперь?

— Ты - ну-у-м, — зевнула

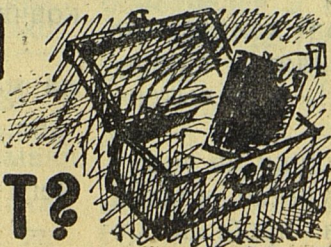
она со своей кровати. — Ты проснулся уже? Не смотри, я оденусь.

Хорошо хоть, что она надумала одеться. А то бы ещё с утра пораньше взялась за какую-нибудь книжку про любовь. Это у неё бывает.

Я лежал под одеялом на своём продавленном диване и смотрел на вбитый в стену гвоздь. Потом я стал смотреть в окно. По улице тянулись к штабу офицеры. Они тянулись по двое и по трое, покуривали

и не очень то-ропились. Время до построения полка ещё было. Как всегда, на рысках промчался в столовую носастый лейтенант

**ВАМ
НЕ
ДУЕТ?**

Продолжение. Начало в «Искорке» № 10 за 1967 г.

Котлов, которому обычно не хватало пяти минут, чтобы позавтракать.

Феня шебуршила у меня за спиной одеждой. Я думал, не дождусь, когда она наконец отшебуршится. Потом она полчаса расчёсывала у зеркала свои длинные белые волосы. Стояла и водила гребёнкой по волосам. А у меня внутри всё переворачивалось от нетерпения.

Проникнуть в соседнюю комнату, не дотронувшись до сургучной печати, было проще простого. Нужно лишь было дожидаться, чтобы все ушли из дому. Маму я в расчёт не брал. Она всё равно не вылезала из кухни. А отец и Феня должны были очистить плацдарм.

Феня не очень торопилась очистить плацдарм. Она битый час прикалывала к платью брошку — кусочек тёмной деревяшки с белыми царапинами. Брошка бесила меня по двум причинам. Во-первых, её подарил Фене Руслан Барханов, о котором она не позднее чем вчера и слышать не хотела. А во-вторых, на этой брошке только при могучем воображении можно было разглядеть лицо девушки с одним глазом и круглыми, как у младенца, щеками.

— Да ведь под халатом-то всё равно не увидят в санчasti твою брошку! — не вытерпел я.

Феня моей реплики не услышала. Она подушила платье возле брошки и пробкой от духов потыкала у себя за

ушами. Наверное, это очень важно, чтобы за ушами пахло, как в парфюмерном магазине. Если у тебя за ушами не пахнет, то это уже не жизнь.

Я выскочил из-под одеяла, поддёргнул трусы и, помогая себе кулаками, побегал вокруг стола. Я был единственным человеком в доме, который делал физзарядку. Правда, я делал зарядку не каждый день. Я делал её, когда у меня было время или когда мне необходимо было рассеяться. Сейчас мне нужно было рассеяться, чтобы чего-нибудь не ляпнуть Фене.

На подоконнике по-прежнему рос мамин кактус. Оттого что он плюхнулся на папин графин, с ним ничего не случилось. С графином случилось, а с ним нет. У кактуса как ни в чём не бывало отрасли новые корни.

— Мама, мне уже уходить пора, — проговорила Феня, подрисовывая чёрным карандашом уголки глаз.

Я вспомнил, как она вчера ревела на кладбище, и мне стало противно. Вчера ревела, а сегодня опять красится.

— Мама, она же опаздывает! — заорал я.

Мама заглянула в комнату. У неё были в муке руки, ухо и кончик носа.

— Сейчас, сейчас, — сказала мама.

— Поглядите, какой заботливый, — удивилась Феня. — Чего это ты?

— Сон мне приснился, — сказал я. — Приснилось, что

тебя уволили из санчасти. Каждый день опаздываешь.

— А тебе не приснилось, кого они вместо меня взяли? — спросила Феня.

Этого мне не приснилось. Фармацевтов на острове больше не было. Были среди офицерских жён педагоги, врачи, экономисты и даже одна балерина. А фармацевтов не было.

Я делал приседание на счёт «два».

— Сеня Колюшкин ездил в город... И раз. И с какой-то фармацевтихой там познакомился. И два, — отсчитывал я. — Так что всё может случиться. И раз...

— Колюшкин познакомится! — фыркнула Феня.

— Фыркает тот... И два... кто фыркает последним, — сказал я и отправился умываться.

Феня позавтракала и ушла, выдавливая каблуками-шпильками дырочки в сырой после вчерашнего дождя дорожке. Я мог голову прозакладывать, что сегодня, как всегда, Сеня Колюшкин зайдёт в санчасть за содой, и Феня обязательно у него спросит, с кем это он познакомился. Колюшкин покраснеет и станет отнекиваться. А Феня подумает, что он и вправду познакомился. Она очень не любит, когда её знакомые с кем-нибудь знакомятся.

Мама стряпала на кухне.

— Может, тебе картошки достать? — спросил я.

— Достань, сынок, — сказала она. — Если тебе не-

трудно. Мне было совершенно трудно. Я схватил ведро и полез в погреб.

От света фонарика запрыгали по тёмным углам тени. Из розового абажура, от которого, кроме скелета, почти ничего не осталось, выглядывали прогорелый валенок и меховой шлемофон с одним ухом. Шлемофон был дядин Жорин. И картонная коробка от пылесоса тоже была дяди Жорина.

Встав на ящик, я приналёг на крышку люка в комнату к дяде Жоре. В щель ударил свет и понесло пылью. Пыль кудрявилась по всему полу. У меня, как у настоящего грабителя, перехватило дыхание. И ещё немного тряслись руки и взмокла спина.

Я торопился, словно за дверью уже стоял Серкиз. Чемодан, который я потянул из-под койки, зашипел и захрюкал на весь остров. Я никогда не думал, что чемоданы могут вылезать из-под кроватей с таким хрюканьем.

Дерматиновая папка лежала на своём месте, сразу под крышкой. Наверное, дядя Жора и не заглядывал в чемодан с тех пор, как показывал её мне.

Засунув чемодан обратно, я осмотрелся и прихватил с собой принца Гамлета. В конце концов я сам нашёл этого принца, когда мы возвращались с дядей Жорой из бани.

Из деревянной рамки за мной внимательно наблюдал Горбовский. Он, наверное, удивлялся, как это здорово я

сумел перехитрить Серкиза и спасти бумаги.

В последний момент я зажал ещё под мышкой чурку с Любиными глазами. Зачем мне понадобилась чурка, сам не знаю. Просто оказалась свободной подмышка. А может, от спешки.

Я спустился обратно в погреб и насыпал ведро картошки.

Мама гремела на кухне кастрюлями.

Дерматиновую папку я плотно запеленал в целлофан и упаковал в цинковую коробку от патронов. Я слетал на мыс Доброй Надежды, вырыл под почтовым камнем яму и упрятал туда коробку.

Принца Гамлета я оставил в укромном уголке подвала. А чурку с глазами завернул в «Известия» и отнёс Любе.

ПОСЛЕ обеда, ещё не успели закончиться полёты, как я увидел в окно подполковника Серкиза. Я сидел у окна и проверял пальцем остроту колючек у кактуса. Кактус потихоньку подрастал, и колючки твердели,

Серкиз шагал точнёхонько по направлению к нашему дому. В кулаке у него были зажаты перчатки.

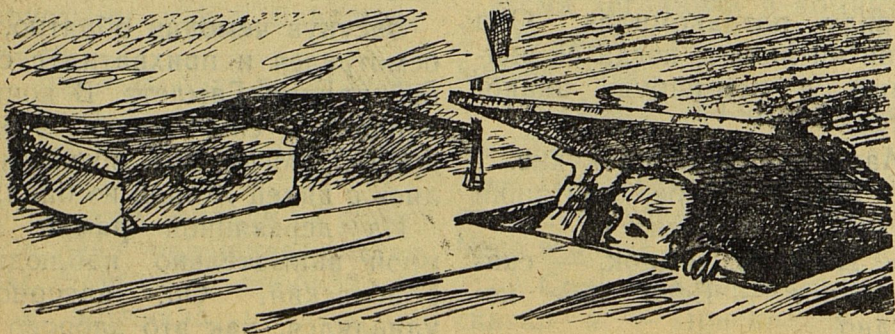
В кухне подполковник кивнул маме и молча прошёл к соседней двери. Он сорвал пломбу и закрылся в комнате дяди Жоры. Я ждал Серкиза. Ждал целый день. Я даже боялся, что он вдруг не придёт. Но он пришёл. Я оказался прав. Это он! Точно! Это он украл бумаги! Он!

Я на цыпочках подкрался к двери. За ней было тихо. Потом мне послышалось, как поскрипывают половицы и будто выдвигают из-под койки чемодан. У меня оборвалось сердце.

— Тима! — недоуменно прошептала мама, прижав к подбородку кухонное полотенце.

Я замахал на неё, чтобы она замолчала. Я представил, как Серкиз откроет сейчас чемодан и увидит, что папка исчезла. Вот он, наверное, выкатит от злости глаза, когда увидит, что нет папки!

Вскользнув мимо мамы на улицу, я прокрался к окну, в

которое не раз залезал, навесываясь к дяде Жоре. Подполковник, сгорбившись, сидел на табуретке. Опустив руки между колен, он машинально мямл перчатки. Время от времени он поднимал глаза к стене, на которой висела фотография в деревянной рамке. Он ворочал своими рачьими глазами и хмурился. В глазах у него появилось что-то усталое и виноватое.

Он! Он! Теперь я ни на секунду не сомневался, что это он! Чего бы ради подполковник стал смотреть такими глазами на фотографию Горбовского? Он и на живых-то никогда не смотрит такими глазами.

Серкиз ворочал глазами и всё мямл и мямл перчатки. Вдруг сделалось совсем тихо, даже зазвенело в ушах от тишины. Это смолк на стоянке последний двигатель. И стало слышно, как гремит цепь на колодце, брешет где-то собака и плачет грудной ребенок.

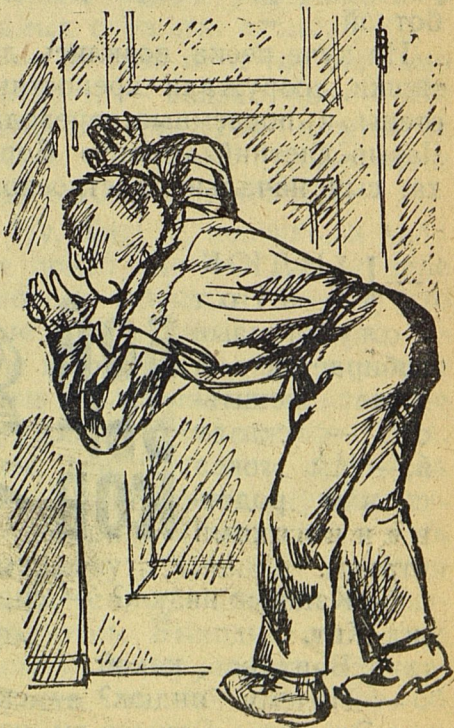
Серкиз поднялся, обвёл тяжёлым взглядом комнату и, сморщившись, потёр пальцами щёку, словно у него заныли зубы.

Со стола, подкатившись к краю, упало долото. Он посмотрел на него, но не поднял. Он снял с полки балерину, повертел её в руке и сунул на место.

Из своей засады я видел, как подполковник вышел из нашего дома на дорогу и повернул к штабу. Он ни в чём не изменился. Он был всё такой же прямой и лощёный.

И всё же что-то сломалось в нём. И я знал, что. У него лопнула последняя надежда раздобыть бумаги с расчётами орнитоптера.

ВЕЧЕРОМ в Дом офицеров привезли новый итальянский фильм. Детей до шестнадцати лет на него не пускали. Эдька залез в окно костюмерной и открыл нам с Киткой запасной вход, которым обычно пользовались приезжие артисты. Мы вошли и закрыли за собой дверь на крюк. До начала фильма мы сидели на тёмной сцене за тяжёлым плюшевым занавесом. Мы просидели там и киножурнал. Когда во второй раз погас свет, мы выбрались из укрытия и заняли свои законные места на полу у сцены.

Длинноногая Софи Лорен целовалась с главным героем. Эдька сразу подметил, что ноги у неё растут прямо из подмышек. Она целовалась старательно и серьёзно, словно делала важное дело. С таким же точно умным видом носастый лейтенант Котлов закатывал под койку пустые бутылки. Пышные волосы Софи Лорен развевались на ветру. Она ругалась с главным героем и целовалась с ним снова. Потом, когда у них уже было три взрослых сына, они поженились. Картина так и называлась: «Брак по-итальянски».

От падающего к горизонту солнца всё вокруг было оранжевым, точно я смотрел на дома, столбы, дорогу и небо через цветное стекло. Я брёл коротким путем, через пустыри и огороды с картофельной ботвой.

На куче песка возились детишки, сооружали крепостные стены и подземные переходы. Четырёхлетний карапуз Борька, сын начальника строевого

отдела, кружил вокруг кучи на трёхколёсном велосипеде. Взрослые у нас по ночам занавешивали окна одеялами и спали. А детишки сбивались со всякого распорядка. Поди разбери тут — когда ночь, а когда день.

На брёвнах за нашим домом сидели и целовались оранжевые Руслан и Феня. Они так старались, что не заметили меня. Вид у них был ещё умнее, чем у носастого Котлова, когда тот закатывал под кровать бутылки.

Я специально прошёл рядом с брёвнами. Меня прямо затрясло от злости. Я ненавидел и подполковника Серкиза, и главного героя, который только что целовался с Софи Лорен, и пижона Руслана Барханова, и собственную сестричку. Я ненавидел всех.

— Тим! — негромко окликнул меня Руслан.

Я не отозвался. Я прошёл с опущенной головой и в сердцах рванул на себя дверь в сени.

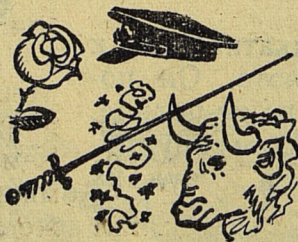
— **ИНДЮК**
ЭТОТ
голубоглазый
собирается на
Фене жениться,
— сказал
я. — Мы тогда
с ним родствен-
никами
станем.

— Какой индюк? — спросил Кит.

— Барханов, какой.

— Почему индюк? — сказал Эдька. — Раньше ты вро-

**БОЙ
БЫ-
КОВ**

де был в него
сильно влюб-
лённый. А с
мелкокали-
беркой он тебе
нос натянул, и
сразу разонра-
вился. Да?

— Ты мне
тоже вроде

раньше нравился, — отрезал я. — Хотя у тебя и мелкокалиберки нет.

— А теперь не нравлюсь?

— Теперь мне кажется, что

ты здорово на Барханова смахиваешь.

— Хо-хо, — сказал Эдька. — Хорошо бы на него смахивать.

— А ты не переживай, — буркнул Кит. — Ты и правда на него смахиваешь.

Мы лежали у загородки из колючей проволоки, которой обнесён аэродром, и смотрели бой быков. Полосатый козёл Назар сердито тряс бородой и самоотверженно бросался на красную тряпку. Похожий на артиста Филиппова, длиннолицый стрелок-радист Евстигнеев, который мычал тогда у зубного врача, показывал вышедший класс матадора. У каптёрки сидели вооружейники. Они гикали, улюлюкали и всячески подбадривали козла.

— Смелее, Назарушка! — кричали они. — С тыла ему, дьяволу, заходи! С тыла! На трон его сажай! Да куда же ты тычешь?

Полосатый Назар, как настоящий бык, тыкал рогами в тряпку. Младший сержант Евстигнеев держал её у бедра и, красиво поджимая живот, вертелся на каблуке. Полосатое тело вздымало красную занавеску и по инерции проносилось ещё шагов десять.

— Шайбу! — неслось от каптёрки. — В тыл ему выворачивай, в тыл!

Младший сержант работал с презрительно холодным лицом. Движения его были размеренными и неторопливыми. А хитрый Назар и впрямь норовил завернуть с тыла. Но это ему не удавалось. Краси-

вый поворот на каблуке, и матадор вновь стоял лицом к нацеленным в него рогам.

Вообще-то, с настоящим быком делать такие выкрутасы было бы в миллион раз труднее, чем с Назаром. Да ещё если бык бешеный. А они все там, в Испании, бешеные, когда увидят красную тряпку.

— В Испании в матадоры, наверное, самые смелые люди идут, — сказал я.

— Конечно, самые смелые, — поддержал меня Кит. — У матадоров очень опасная работа. Каждый день риск. Только, однако, таких специальностей на земле сколько хочешь. И у лётчика так же само риск, и у водолаза, и у охотника.

Я смотрел на Китку. Щуря свои узкие глаза, он умел с учёным видом рассуждать о самых сложных вещах.

— И твой отец так же само рискует, — сказал Кит. — Он дело с торпедами и минами имеет. А минёр только один раз в жизни ошибается.

Ну, Кит! Я, конечно, и виду не подаю, но на самом деле здорово удивился. Почему это мне самому не приходило такое в голову? Я знал, что наш отец минёр, но мне никогда не приходило в голову вот такое. Чем, действительно, старшина минно-торпедной службы хуже лётчика? Из самолёта хоть выпрыгнуть можно. А мина взорвётся, тут никуда не выпрыгнешь. Выходит, мой отец ничуть не трусливее лётчика. Просто он не трезвонит об этом на каждом шагу.

А Руслан Барханов трезво-нит. Он всё для показухи делает. И по тросу он тогда для показухи съехал, и Феню не пустил к жене Серкиза. Он хочет, чтобы его всё время замечали. А отец не хочет, чтобы его замечали. И Сеня Колюшкин не хочет. И носастый Котлов не хочет. И пан Дручевский. Никто не хочет. Только один Руслан Барханов хочет. Один на весь полк. Да раньше ещё вместе с ним Тарас Коваленко выламывался.

— Кит, — сказал я, — а если бы у тебя сестра была и она бы замуж за Руслана выходила, ты бы что?

Я спрашивал у Кита, а вошёл Эдька.

— Хо-хо! — воскликнул Эдька. — Я бы сначала с него калым содрал, а потом бы пускай выходила на здоровье.

— Какой калым? — не понял я.

— Ну, часы, например, сверхплоские, с самоподзаводом, секундной стрелкой и будильником.

Эдька хвастливо повертел рукой в воздухе, словно на ней уже красовались сверхплоские часы.

За те штурманские часики, что Эдька тогда потерял в поле, нам от его матери крепенько досталось. Она до сих пор не верит, что он их потерял. Она считает, что мы их куда-то сплывили. И главное, не один Эдька, а вместе со мной. Как же её Эдик может один? У него всё плохое только от меня.

— Без калыма никак нельзя, — пояснил Эдька.

— Индюк ты, — сказал я. — Самый настоящий индюк с перьями. Недаром ты на Барханова смахиваешь.

— Что-о? — приподнялся на локте Эдька.

— Помылся, закрой душ, — сказал я.

— Ладно, — согласился Эдька. — Учтём.

А Кит, не сводя глаз с Назара, который безуспешно пытался посадить на рога младшего сержанта Евстигнеева, задумчиво произнёс:

— Если бы, однако, Руслан Барханов в Испании жил, он бы так же само матадором сделался. Их там ещё тореро называют. Все видят, какой ты отважный, когда ты тореро.

Во! Прямо как телепатия! Я подумал, а Китка выложил. У нас, наверное, мозги с ним работали на одной волне. Не то что с Эдькой.

— Тореро все видят, а монтажников-высотников никто не видит, — разошёлся Кит. — Самые смелые, которых никто не видит. При всех легче быть смелым. А как дядин Жорин отец умирал, никто не видел. И плотогонов на горных реках никто не видит. И охотников.

— Самое главное, охотников, конечно, — съязвил Эдька.

— От монтажников и охотников польза, однако, есть, — сказал Кит. — А от тореро какая польза? В Америке ещё, так же само, канат между небоскрёбами натягивают и по

канату акробаты ходят. Какая от тех акробатов польза?

Мне показалось, что Кит даже сам удивился, какой он умный. А Эдька буркнул:

— Может, по-твоему, и от лётчиков пользы нету?

— От лётчиков польза есть, — заверил Кит. — Лётчики, однако, смелые.

— А матадоры, конечно, не смелые. Они трусы, конечно, — хмыкнул Эдька. — И те, которые по канату между небоскрёбами ходят, они тоже трусы. Хо-хо! Ты бы прошёлся взял!

Кит на такой выпад не сразу нашёлся, что сказать. Но он всё же сказал.

— Нет, — сказал Кит, — они не трусы, но так же само и не герои. Герой — это который с пользой для других смелый, а не для самого себя. Вот Горбовский — настоящий герой. И Гром. А за самого себя мы все смелые.

Он с чувством победителя взглянул на Эдьку и на меня. Он словно доказал у доски трудную теорему, которую никто не мог доказать. Никто не мог, а он доказал. И Эдька сразу примолк. Потому что Китка так всё разложил по полочкам, как ещё никогда не раскладывал.

— Правым рогом цепляй! — кричали у каптёрки

вооружейники. — В пузо ему цепляй! В пузо!

Назар устал и тяжело во-
дил полосатыми боками. Но
атаки его были всё такими же
стремительными. Он тряс бо-
родой, замирал с расставлен-
ными ногами и бросался впе-
рёд, норовя попасть младшему
сержанту в пузо. Но невозму-
тимый младший сержант лов-
ко подводил под тупые рога
тряпку. Козёл проскакивал и
поворачивал обратно.

Я лежал и смотрел бой бы-
ков. У носа шевелились метё-
лочки какой-то травы и креп-
кие столбики цветков подо-
рожника. Я думал о том, что
настоящий герой — это дейст-
вительно тот, кто совершил
свой подвиг на пользу людям.
Подвиг — это когда на пользу
хотя бы одному человеку. Ес-
ли же только для себя — это
не подвиг. Рубль на руке про-
жечь — это не подвиг. Ду-
рость это одна. Пижонство.
И зуб вырвать — дурость и
пижонство.

Вдали, сотрясая остров, тя-
жело взлетели торпедоносцы.
Реактивные двигатели гудели,
как горный обвал. С таким рё-
вом несутся, наверное, с гор-
ной кручи камни, увлекая за
собой в бездну гранитные ва-
луны. Самолёт трогался с ме-
ста, катился, набирал ско-
рость и вот уже, грузно паря
над бетонной полосой, устрем-
лялся вдаль, унося на стрело-
видных крыльях нестерпимый
грохот.

Ещё я думал о Серкизе.
Я теперь всё время думал о
подполковнике Серкизе. Дер-

матиновая папка хранилась
под камнем на мысе Доброй
Надежды. Всё остальное было
у Серкиза. Но Кит твердит со-
вершенно правильно: «В дом
к нему, однако, не полезешь».
Ясное дело, не полезешь. А
как быть? Ведь отобрать у
подполковника чертежи и опи-
сание орнитоптера — это не
дурость и не пижонство. Это
для всех. Может, были бы у
нас такие крылья, и дядя Жо-
ра не лежал бы сейчас под
холмиком с красной звездой.

Я сорвал травинку и стал
щекотать у Китки в ухе. Кит
отмахивался, как от мухи.

— У-лю-лю! — завопили у
каптёрки. — Даёшь дырку!

Я отвлёкся от боя быков и
прозевал самое интересное.
Я увидел лишь, как длинноли-
ций младший сержант Евстиг-
неев улепётывал по полю, а
разъярённый Назар мчался за
ним по пятам. Назар шёл хо-
рошим галопом и резво взбры-
кивал задними ногами. Ев-
стигнеев оглядывался и пы-
тался уйти от прямого попада-
ния. Он очень походил сейчас
на артиста Филиппова.

— Шай-бу! — скандирова-
ли у каптёрки. — Шай-бу!
Шай-бу!

— Падай! — закричал я,
вскакивая на ноги. — Падай!
На землю падай!

Единственное, что могло
спасти Евстигнеева, — это по-
ложение лёжа. Благородный
Назар лежащих не трогал.

Но мой совет утонул, как
крик чайки над штормящим
океаном. Где уж мне было

пробиться сквозь требовательный рык болельщиков у каптёрки и грохот самолётов.

Евстигнеев всё же упал. Однако сделал он это с некоторым запозданием и не совсем самостоятельно. Он сначала немного взлетел, подкинутый крепкими рогами, а потом уже плюхнулся на землю.

Вооружейники у каптёрки тузили друг друга кулаками и повизгивали от удовольствия. Эдька повизгивал тоже. Евстигнеев поднялся и хотел поддать козлу, но Назар своевременно отпрыгнул и опустил рога. Назар сам был немного удивлён исходом поединка. Незадачливый тореро ушёл к самолётной стоянке и всё время оглядывался, ожидая подвоха. Но Назар был культурным зверем и просто так не кидался.

Представление закончилось, а мы всё лежали на траве у ржавой колючей проволоки и смотрели, как взлетают и садятся серебряные птицы. На это можно смотреть с утра до ночи. Мощные грузовики отбуксировывали самолёты на стоянку и походили издали на муравьёв, которые тащат непомерный груз. Медленно передвигались по полю неуклюжие цистерны-заправщики. И всюду, куда ни взглянешь, копошились тёмные фигурки людей.

И вдруг вся эта спокойная и деловая картина нарушилась. Я не знаю, что произошло, но

чёткий ритм аэродромной жизни сразу сбился с такта.

Эдька с Китом насторожились тоже. Тот, кто живёт на аэродроме, обладает особым чутьём на лётные происшествия. Где-то в воздухе что-то случилось. Это «что-то» мгновенно дало себя знать на земле. От КП умчалась к бетонке скорая помощь и за ней два газика. Стихли у каптёрки вооружейники. Заторопились грузовики-буксировщики, растаскивая подальше от взлётно-посадочной полосы самолёты. В каждой тёмной фигурке, в каждом звуке, шедшем с зелёного поля, чувствовалась гнетущая, хватающая за сердце напряжённость.

Мы вытянули шеи и ждали. У нас лица, наверное, вытянулись не хуже, чем у младшего сержанта Евстигнеева. Мы молчали и ждали.

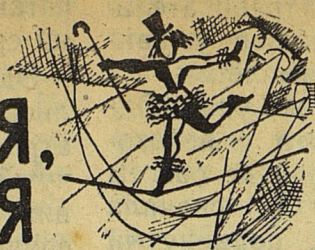
Но мы так ничего и не дождались. Напряжённость сама собой рассосалась. К КП вернулись скорая помощь и газики. Вновь как ни в чём не бывало взлетали и садились самолёты и возились у каптёрки с какими-то приборами вооружейники.

— Это... так же само... домой мне, однако, пора, — пробормотал Кит и утопал к своей прабабушке в Сопушки.

Когда где-нибудь что-нибудь случалось, Китка прежде всего летел домой. Он очень боялся за свою прабабушку.

О ТОМ, что
случи-
лось на полё-
тах, мы узнали
чуть позднее. К
вечеру об этом
говорил весь
остров. И весь
остров раско-

**ЭХ,
ВАНЯ,
ВАНЯ**

просто техни-
кой, пилотиро-
вания. Здесь
пахло совсем
другим.

— Да если
бы все лётчики
такими были,
знаешь! — на-

ложился пополам. Одна поло-
вина ругала Руслана Барха-
нова на чём свет стоит. А дру-
гая хвалила его и даже срав-
нивала с лейтенантом Громом.

На взлёте в кабине Барха-
нова сорвало герметический
колпак. Наставление по про-
изводству полётов обязывало
командира экипажа набрать
достаточную высоту и вместе
со штурманом и стрелком-ра-
дистом оставить машину. Но
Барханов не оставил машину
и не дал экипажу команды
прыгать. В открытую кабину
лётчика вихрями рвался воз-
дух и бил по незащищённым
глазам. Наверное, это было
действительно очень трудно —
почти ничего не видя, сделать
над островом круг и благопо-
лучно приземлиться. Но Рус-
лан приземлился.

Он спас самолёт и ходил ге-
роем. Командир полка объ-
явил ему выговор. Но он всё
равно ходил героем, потому
что не каждый лётчик смог бы
в таких условиях посадить са-
молёт.

Трещина, которая расколо-
ла пополам остров, пробежала
точнехонько между мной и
Эдькой. Вообще-то Эдька был
специалистом в лётных делах.
Его отец командовал эскад-
рилей. Но здесь уже пахло не

жимал на своём Эдька.

— Знаю! — орал я. — Если
бы все были, как твой Барха-
нов, то и в космос некого было
бы посылать.

— Это почему же?

— По тому же по самому!

— Почему же, по тому же?

Говорить ему о том, что
НПП написано кровью лётчи-
ков и для того, чтобы его вы-
полнять, было бесполезно. Я
обозвал Эдьку кретином. Он
был действительно последним
кретином, ничего не хотел по-
нимать и твердил своё, как за-
ведённый. Он думал, что если
человек научился неплохо вер-
теть штурвалом, то он уже ге-
рой.

— Кретин ты! — отрезал я.

Может, я вообще-то зря так
отрезал. Но у меня, когда я
разволнуюсь, не хватает слов,
чтобы что-нибудь выразить.
И в школе у меня, у доски,
точно так же: всё понимаю, а
выразить не могу.

— Мымра! — завопил в от-
вет Эдька. — Тумак недораз-
витый! Все технари тумак, и
дети у них такие же!

Когда Эдька прокатился по
моей личности, это ещё ничего,
я стерпел. В конце концов я
первый по нему прокатился.
Но какое отношение имели к
нашему спору технари? Тех-

нари не имели к нашему спору абсолютно никакого отношения.

За оскорбление технарей я съездил Эдьке по скуле.

— Ага! — взвыл он. — Аргументов не хватает! Дерёшься уже! Ага!

Он ухватился за щеку и запрыгал на одной ноге, будто вытрясал из уха воду. Нижняя губа у него оттопырилась и дрожала.

— Что же твой папочка, если он такой смелый, в лётчики не пошёл? — дрыгая губой, закричал Эдька. — Минёр, хо-хо! Один раз ошибается! Герой! А сам старшина! Даже младшего лейтенанта ему не дают!

Я гнался за подлезом Эдькой до самого ДОСа. Его спасли крепкие ноги и глубокое дыхание. Дыхание у него было очень глубокое, не то что душонка.

— Ладно, — пригрозил я ему издали. — Мы с тобой ещё расквитаемся. За мной

должок не заржавеет. Ты меня знаешь.

Вероятно, я слишком громко разорался. Из окна второго этажа выглянула Эдькина мама и приказала своему сыночку немедленно идти домой.

— А ты, Тима, погоди минутку, — сказала она. — Мне с тобой поговорить надо.

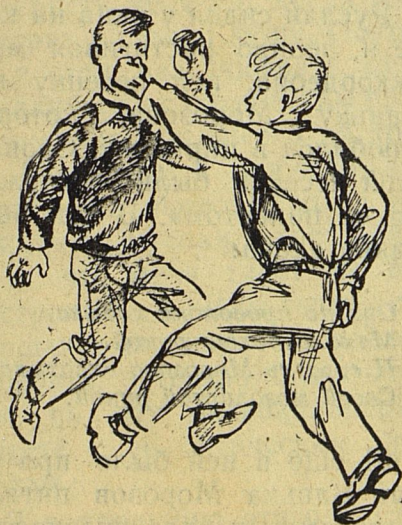
Я думал, меня ожидает лекция на тему о дружбе и товариществе. Но Вера Семёновна повела совсем о другом. Она снова повела про штурманские часы.

— Я всё же хочу знать правду, — сказала Вера Семёновна, приглашая меня сесть рядом с ней на скамейку. — Куда вы их дели?

Лекции она читала такие, что на ногах их не переждёшь. Я сел. Вера Семёновна строго поджимала узкие губы и говорила о том, что я уже слышал миллион раз. На затылке у неё в такт словам покачивался круглый валик волос. О своём сыночке она была не очень высокого мнения и говорила о нём только во множественном числе. Этим она подчёркивала, что не хочет выгораживать Эдьку, но в то же время все неприятности происходят у него прежде всего из-за меня.

Я слушал про то, что такое честность и порядочность, и разглядывал под ногами щепку. По щепке ползла божья коровка.

— Мне их совершенно не жалко, — твердила Вера Семёновна. — Мы их можем купить десятком, таких часов. Но если Эдуард вырастет лгуном,

этого уже не исправишь ни за какие деньги. Ты мне признаешься в конце концов, куда вы их дели?

Я ей признавался в этом десятках раз. Но она не желала верить, что Эдька их потерял.

— Ну хорошо, — вздохнула Вера Семёновна. — Я думала, вы честные люди и признаетесь сами. Хорошо. Тогда придётся мне самой сказать, где эти часы. Я уже давно всё выяснила. Вы отнесли их на дебаркадер к дяде Косте. Так?

Она брала меня «на пушку». Это я сразу понял. Но мне надоело. И потом, чего она меня-то в это дело впутывает? Я их, часы, и в руках не держал. Может, Эдька их и вправду не потерял? Похлопал тогда для блезиру по карманам, и всё. Видел я, что ли, как он их терял? Не видел. А если он их и на самом деле на дебаркадер отнёс? А я его выгораживаю. Выходит, и я заодно с ним?

— Ну? — сказала Вера Семёновна. — Так где же всё-таки часы?

— Откуда ж я знаю? — дёрнул я плечом.

— Ах, вот как? — сказала она. — Значит, ты уже не знаешь?

— Не знаю, — подтвердил я.

— Это уже лучше, — вздохнула она. — Раньше ты уверял меня, что они потеряны.

— Но я их никуда не относил, — сказал я. — Вы не думайте. Я их и в глаза не видел, эти часы. Если вы знаете, что они на дебаркадере, так

это Эдька сам. Я тут ни при чём.

Мы с ней расчудесно побеседовали на тему о честности и порядочности. За час она из меня все кишки вытянула. А уж Эдьку она теперь должна была совсем живьём съесть и каждую его косточку обсосать и выплюнуть.

Но так ему, троглодиту, и нужно. Это ему за старшину будет, которому даже младшего лейтенанта не дают.

Понуро бредя после лекции мимо холостяцкой гостиницы, я услышал стук в окно. Руслан Барханов жестами звал меня в гости. Мне сейчас не хватало только Руслана Барханова. Настроение у меня после беседы с Верой Семёновной было такое, словно я керосину наглотался. Я опустил глаза и отрицательно замотал головой. Но он забарабанил в стекло и показал мне кулак. Он показывал мне кулак и весело подмигивал.

Хочешь не хочешь, пришлось заворачивать в гости.

Руслан сидел у окна на койке и, лениво растягивая мехи аккордеона, пел песенку про Ваньку Морозова, который влюбился в циркачку. Слова у этой песенки были немножечко «с приветом». В ней были такие слова:

*Она по проволоке ходила,
Махала белою рукой.
И страсть Морозова схватила
Своей мозолистой рукой.*

И ещё в ней было про то, как Ванька Морозов питался медузами и расшвыривал в

ресторане сотни, чтобы угодить своей циркачке.

— Эх, Ваня, Ваня! Что ж ты, Ваня! Ведь сам по проволоке идёшь, — закончил Руслан, и его рука с растопыренными пальцами скользнула по клавишам и отлетела вверх, словно клавиши спружинили.

Сеня Колюшкин сидел за столом и что-то писал. Он готовился в академию и в любой обстановке мог решать задачки по высшей математике. Офицеры говорили, что у него капроновые нервы.

— Где же ты пропадаешь? — спросил Руслан. — Целую вечность тебя не видел. А махолёт как? Строится?

— Строится, — буркнул я, разглядывая над его головой веером приколотые к стене фотографии киноартисток.

Киноартистки были красивые. Особенно Быстрицкая. Быстрицкая была даже красивее Фени. И улыбалась она очень ехидно. Смотрела мне в самую душу и улыбалась. Я терпеть не могу, когда мне смотрят в самую душу. Поэтому я стал разглядывать мелкокалиберку с оптическим прицелом, которая висела на ковре. Но потом я подумал, что глазеть на винтовку тоже неприлично. Руслан может подумать, что меня тянет из неё пострелять. А меня теперь совершенно не тянуло из неё пострелять. Я теперь плевать хотел на эту мелкокалиберку, вместе с её оптическим прицелом.

Я равнодушно отвернулся и

стал разглядывать затылок Сени Колюшкина.

— Так ты чего же не заглядываешь? — спросил Руслан.

У Сени Колюшкина был страшно упрямый затылок. Как у борца. В нашем классе учится Генка Толстоба, так у него точно такой же затылок. Упрямый этот Генка, ну! Упрямее не бывает.

— Я аж соскучился по тебе, — сказал Руслан. — Или мы не друзья больше?

Быстрицкая смотрела мне в душу и улыбалась.

— Чего же ты молчишь? — спросил Руслан. — Или язык проглотил? А может, у тебя неприятности какие? Так это мы в два счёта.

У него своя крыша течёт, а он чужую чинить лезет!

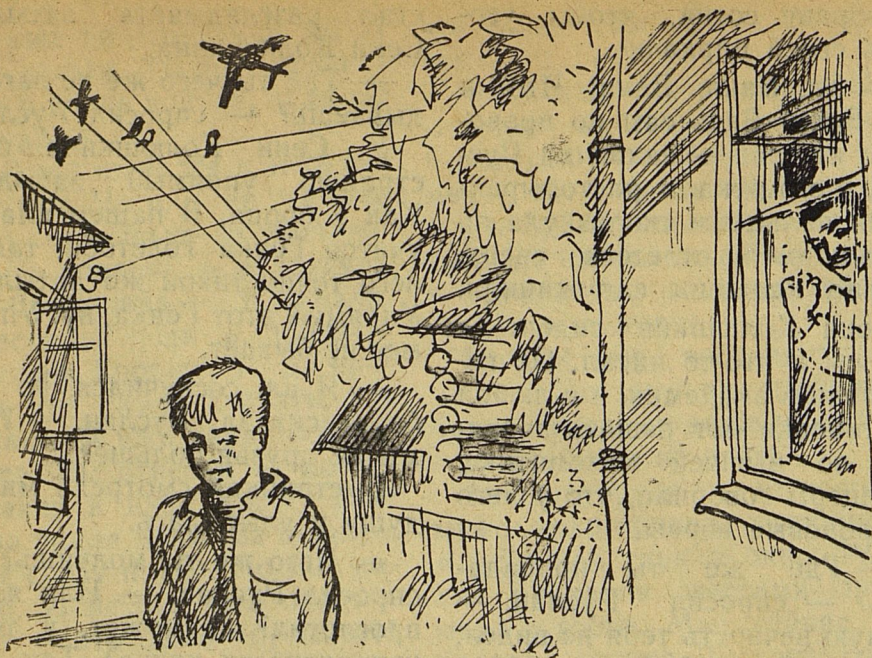
Он лез ко мне в душу хуже, чем Быстрицкая со своей усмешечкой. Взрослый человек, а не понимает, что нет у меня никакого желания разговаривать с ним. Почему-то я не лезу к взрослым, если у них нет желания разговаривать со мной. А они лезут.

— А дома-то всё нормально? — сказал Руслан. — Может, дома что?

Сеня Колюшкин со своими капроновыми нервами и тот не выдержал и повернулся на стуле. Он повернулся, взглянул на меня и сказал в пустоту между дверью и печкой:

— Чего ты привязался к мальчишке? Ты ведь даже в такой вот мелочи и то до самого пупка эгоист.

— Подь-ка сюда, — улыба-

ясь, поманил меня к себе Руслан.

Он не услышал Колюшкина. Он показывал мне, что для него лейтенант Колюшкин отсутствует не только в этой комнате, но и вообще во всей Вселенной.

— Ну же, — сказал Руслан, подтянул меня к койке и насыпал мне в карман горсть конфет «Тузик».

— Час сосу, час из зубов выковыриваю, — подмигнул он. — Ну, что с тобой, Тим? А?

Он потряс меня за плечи:

— Да Тим же!

От Руслана пахло «Шипром». Чёрная чёлка мысиком спускалась к нему на лоб.

— Может, постреляем сходим? — кивнул он на мелкокалиберку. — Сколько там за мной выстрелов?

Я попытался освободиться из его рук. Улыбка Быстрицкой подсказывала мне, что настоящие мужчины не дуются и не показывают фиги в кармане. Настоящие мужчины говорят в лицо людям то, что о них думают.

— Мне идти нужно, — пробормотал я.

— Да отвязись ты в конце концов от парня! — возмутился Колюшкин и бросил на стол авторучку. Ручка брызнула на лист бумаги созвездием клякс.

— Это знаешь, чего он попытается? — сказал Руслан, кивая в сторону Колюшкина. — Он, Тима, трусишки сегодня после полётов сменил. И подал рапорт штурману полка, чтобы его перевели в другой экипаж.

Руслан говорил тихо и ласково.

— Страшно ему со мной летать, Тим. А он не любит, когда ему страшно. У него от страха расстройство желудка. Понимаешь? А на торпедоносцах туалетов не предусмотрено.

Руслан закинул к окну голову и захохотал. Ему мешал хохотать аккордеон, который висел на груди. Сеня Колюшкин смотрел на Руслана и крутил на скулах желваками.

— Лёгкую славу себе зарабатываешь, — проговорил Сеня. — А я свою жизнь на шиши разминивать не собираюсь. Мне твое фанфаронство во где сидит.

Сеня скомкал листок с со звездием клякс и, не найдя куда его деть, сунул в карман кителя. Я никогда не слышал про фанфаронство. Но я знал, что Колюшкин прав. И Руслан, наверное, тоже знал это. Когда он захохотал, то сразу стало видно, что он специально гогочет, а не потому, что ему весело.

— Геройство тогда геройство, — пробормотал я, опустив глаза, — когда оно для людей. Хотя бы для одного человека.

— Bravo, Тим! — закричал Руслан и сыграл на аккордеоне туш. — А самолёты для кого спасают — для белых медведей? Молодец, Тимка!

Я даже растерялся от такого поворота. А он напирал на меня и радовался, словно я и вправду похвалил его. И я никак не мог вставить, что самолёт — это самолёт, а не живой человек. Вот если бы в кабине

раненый лежал и он бы не мог выпрыгнуть, тогда конечно. Тогда совсем другое дело. И почему Руслан не дал команды выпрыгнуть штурману и стрелку-радисту? Если бы сам разбился, тут уж... что поделаешь. Или — или. А они зачем?

Но Руслан не дал мне этого сказать. Он тормозил меня и шумел:

— А Феня там как? Ничего не говорила?

Я так и знал, что он спросит про Феню. Ему очень хотелось услышать, как она его расхваливала и как задним числом тряслась за него от страха. Он меня и зазвал-то к себе только из-за Фени.

— Говорила, — сказал я.

— Что?

— Про брошку говорила, — сказал я. — Там на брошке у девушки почему-то одного глаза не хватает. Это вы ей такую безглазую брошку подарили?

— Ну, ну, — нахмурился Руслан и бросил быстрый взгляд на Колюшкина. — Соси «Тузика» давай. Чего ты понимаешь в брошках. А Фене передай, чтобы приходила в Дом офицеров на второй сеанс.

— На второй? — спросил я.

— А! — сказал Руслан и погладил свою модную чёлку. — Сейчас.

Он нервно вырвал из блокнота листок, положил его на аккордеон и стал писать. Написав, свернул и протянул мне.

— Вот, передашь ей.

— Ага, — сказал я и посмотрел в упрямый затылок Сени Колюшкина. — Обязательно передам.

Сеня почувствовал мой взгляд и оглянулся.

— До свидания, — сказал я Колюшкину.

— До свидания, — с грустной улыбкой ответил Колюшкин.

Он улыбнулся так, словно у него опять началась изжога и ему срочно требовалась сода.

Я вышел на улицу. На улице свистел ветер. Он вырвал у меня из рук записку и понёс к реке. И я не побежал за ней. Потому что глупо бежать за бумажкой в такой шальной ветер. Что я, скороход какой-нибудь, что ли?

В ХОЛОС-
ТЯЦКОЙ

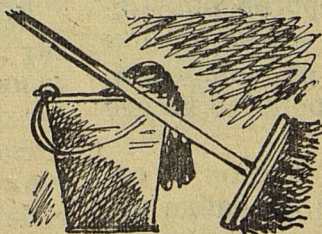
гостинице гулял из комнаты в комнату сквозняк да где-то громко хлопала форточка.

Когда Параня Цитрамоновна убирала, она открывала все окна настежь. В прихожей сифонило, как в аэродинамической трубе. Посреди не стояло в луже ведро с чёрной водой. В чёрной воде лопались рыжие пузыри. Сквозняк, который играл запахнутыми дверьми, пах сырым деревом и свежими огурцами.

— Мы с Китом помогать вам пришли, — потоптавшись у порога, сообщил я Паране Цитрамоновне.

Параня Цитрамоновна пятилась задом из большой комнаты, в которой жил пан Дручевский. В этой комнате мы поминали дядю Жору. Параня Цитрамоновна пятилась и водила по полу из стороны в сторону тряпкой. Тряпка была развёрнута во фронт. Под натиском развёрнутого фронта

ХОД
КО-
НЁМ

грязная вода отступала в прихожую.

— Чего ещё вам? — сказала Параня Цитрамоновна, разгибаясь и

втискивая в поясицу кулак. — Нету здесь никого. На полётах народ. Шастайте отседа. Шастайте.

Она снова взялась за тряпку.

— Так мы помогать ведь, — сказал я.

— Как тимуровцы, — добавил Кит.

— Шастайте, я вам сказала, — повторила Параня Цитрамоновна. — Нечего тут.

Про тимуровцев она, наверное, не читала. Она, наверное, читала только, как убирать в комнатах и мыть полы. По уборке она была генералом. На всём острове ни одна уборщица не годилась ей в подмётки. Параня Цитрамоновна убирала, как песню пела. Это сразу видно, когда человек работает, точно песню поёт. Дядя Жора, когда вырезал свои фи-

гурки, тоже будто песню пел.

Мы стояли на краю чёрной лужи и не знали, что делать. Слева, в маленькой, как у Барханова с Колюшкиным, комнате спал дежурный по полку. Он спал на спине, укрывшись с головой шинелью и положив ноги в ботинках на газету. Из-под шинели торчала рука с синей повязкой дежурного повыше локтя.

— У нас каникулы, — сказал я. — А дел у нас всё равно никаких.

— Мы вам воду носить станем, — добавил Кит, разглядывая в воде рыжие пузыри. — Вам самой воду носить тяжело. И выносить вам её так же самой тяжело.

Параня Цитрамоновна словно забыла про нас. Я подтолкнул Китку и взялся за дужку ведра. Мы вылили воду в ка-

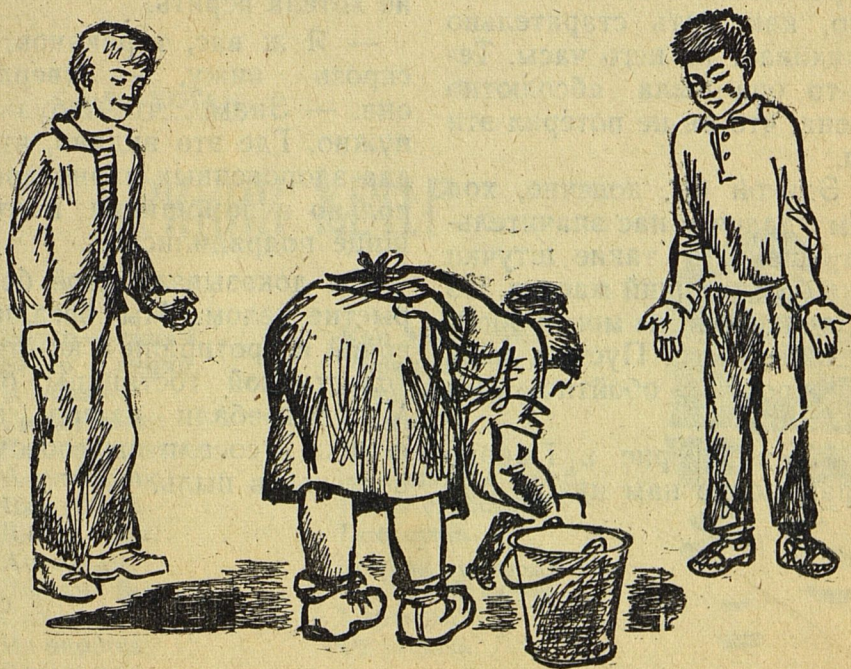
наву и притащили из колодца свежей. Свежая вода светилась в ведре зеленоватой прозрачностью. Параня Цитрамоновна сполоснула в прозрачной воде тряпку, выжала её и шлепнула на пол.

— Скаженные какие-то, — проворчала она. — Такой холодной водой только ревматизму наживать.

Оказалось, что она брала воду в реке. Мы мигом слетали на реку.

— Так вам чего нужно-то? — подозрительно оглядывая нас, спросила Параня Цитрамоновна. — Вы давайте сразу выкладывайте, без выкрутасов. Я вас, тараканов, наскрозь вижу.

«Выкладывать» ей свои планы в наши намерения не входило. В наши намерения входило одно: войти к Паране Цитрамоновне в доверие. Этот

ход конём предложил Кит. Я бы без Кита до такого хода ни в жизнь не додумался. Но с Китом можно было додуматься и не до такого.

Мы теперь ходили с Китом, как веревочкой связанные. Я с утра мчался к нему в Сопушки или он летел ко мне. У меня вообще-то было удобней. Днём в наше распоряжение поступала Фенина комната. Феня давно уже переехала в дяди Жорину комнату. На полочке у окна одиноко стоял там принц Гамлет. Принц по-прежнему разглядывал человеческий череп и размышлял: быть ему или не быть. И больше от дяди Жоры ничего не осталось.

А Эдька влип со штурманскими часами хуже некуда. Он теперь присмирел и обижено обходил меня стороной. Но и на расстоянии по Эдькиной физиономии было отлично видно, как мать старательно вытряхивает из него часы. Теперь-то она была абсолютно уверена, что он не потерял эти часы.

С Эдькой бы, конечно, ход конём удался у нас значительно лучше. На такие штучки Эдька был великий мастак. Но в конце концов мы могли обойтись и без него. Пусть теперь он попробует обойтись без нас.

Войти в доверие к Паране Цитрамоновне нам нужно бы-

ло потому, что она убирала не только в холостяцкой гостинице. Она ещё наводила порядок в квартирах у начальства. Когда с начальством жили жёны, она убирала у них раз в неделю. А когда под конец лета жёны уезжали к Чёрному морю, она убирала в квартирах начальства каждый день.

Стояло как раз то время, когда жены старших офицеров, как первые предвестники осени, стали покидать север. И одной из первых снялась с места Серкизова жена, которая маялась головной болью.

Это было вершиной Киткиной мудрости, когда он предложил устроиться в помощники к Паране Цитрамоновне, чтобы проникнуть в дом к Серкизу.

Мы очень старались перед Параней Цитрамоновной. Но она нам всё равно ни в какую не хотела верить.

— Я ж вас, тараканов, наскрозь вижу, — твердила она. — Знамо, что-нибудь да нужно. Где это видано, чтобы два здоровенных парня добровольно в помощники к уборщице подрадились.

Мы доказывали своё бескорыстие делом. Мы бегали за водой и протирали в комнатах холостяцкой гостиницы окна. Мы выгребали из-под коек окурки и сосали пылесосом из всех углов пыль.

(Окончание следует)

Россия снежная и знойная

Выходят на орбиты спутники
И звёздолёты-корабли,
С мечтою явь сегодня спутана,
И даль иная не вдали.

И небо в росчерках космических,
В белёсых линиях-следах,
В дымах и вспышках электрических
И многозвучных проводах.

И лайнерами реактивными
Теперь исчерчено оно,
Над городами, над плотинами
Сияньем ламп озарено.

Россия знойная и снежная,
Ты вся в строительных лесах,
Ты и суровая и нежная,
С огнём, с лукавинкой в глазах.

Россия — наст примятый лыжами,
Дороги, что в простор бегут,
Антенны чуткие над крышами,
В лесах, в полях — машинный гуд.

Россия — вертолёт над чащею,
В глухой степи ракетодом,
Суда, над волнами летящие,
Богатырей-заводов гром.

Россия с шахтами и домами
Везде твою я вижу новь,
Огромна ты, ещё огромнее
К тебе, единственной, любовь.

Семён КОГАН

СИНИЙ ВЕЧЕР

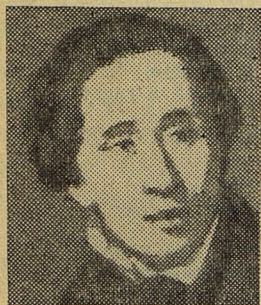
Вечер — синий.
Ветер — синий.
В море —
Синяя волна.
Бледно-жёлтым
Апельсином
Над водой
Висит луна.
Апельсин,
Должно быть,
Сладкий.
Из окошка
Видно мне,

Как Медведица
Украдкой
Подбирается
К луне.
И тогда,
На всякий случай,
Встав с постели
Поскорей,
Я луну
Мохнатой тучей
Укрываю
От зверей.

Жил ли на самом деле «Гадкий утенок»?

«Писатели всё выдумывают в своих книгах», — заявляют одни.

«Наоборот, они лишь описывают то, что видели или слышали», — возражают другие.

Конечно, не правы ни те, ни эти. Истина находится где-то посредине.

Да, материал для своих произведений писатели берут из жизни. И, как говорят в таких случаях, преломляют его через своё творческое воображение, — то есть что-то додумывают, а что-то выдумывают. Но делают это с одной целью — чтобы полнее выразить те мысли, идеи, образы, которые навеяны на них жизнью.

Нет произведений, выдуманных от начала до конца. Даже если это сказки...

В одном из номеров «Искорка» задала своим читателям коварный вопрос:

Кто из героев жил на самом деле, а кто был выдуман писателем, поэтом?..

Написал я слово «коварный» и задумался. В самом деле: вот герой одной из самых популярных сказок Андерсена «Гадкий утёнок». Жил он на самом деле или был выдуман писателем?

— Ну, конечно, выдуман! — ответите вы. — Разве может какой-то утёнок стать прототипом литературного героя, да ещё сказочного?!

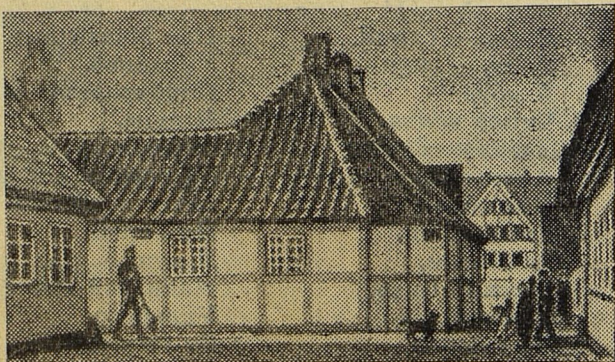
Но не торопитесь с ответом. Послушайте лучше, что я вам сейчас расскажу.

Вы знаете, где находится остров Фюн? Между Ютландским полуостровом и островом Зеландия, на котором расположена столица Дании — Копенгаген. И есть на этом острове небольшой городок Оденсе, лежащий в одной из котловин среди низких холмов.

В этом-то городке, в самом начале прошлого века, 2 апреля 1805 года, у башмачника Ганса Андерсена и его жены прачки Анны-Марии родился сын, которого называли Гансом-Христианом.

Семья жила бедно, в постоянной нужде, еле сводя концы с концами.

Отец Ганса считал себя неудачником, ремесло своё — случайным, а потому не любил его. Длинными зимними вечерами он предпочитал читать вслух басни Лафонтена, пьесы

Шекспира, сказки «Тысяча и одной ночи», комедии датского драматурга Гольберга.

Маленькому Гансу очень нравилось, когда отец читал басни или сказки, они производили на ребёнка неизгладимое впечатление, некрашивали бедность и серость жизни.

Но удары судьбы, сыпавшиеся на родителей Ганса-Христиана, отзывались и на нём. Мальчик рос замкнутым, нелюдимым. Он резко отличался от всех своих сверстников — и тем, что был не по возрасту длинным, неуклюжим, слишком худощавым, некрасивым, и тем, что вёл себя не так, как другие ребята.

Голова его вечно была полна детских мечтаний и фантазий, и порою он даже не замечал окружавшей его нищеты. Он как бы жил в другом мире — прекрасном мире грёз и сказок. Однако ни сверстники, ни многие взрослые не понимали этого и частенько смеялись над мальчиком.

Когда Ганс-Христиан пошёл в школу, ему стало ещё труднее. Во время перемен он испуганно хватался за руку учителя, чтобы сорванцы мальчишки, гурьбой носившиеся по коридору или двору, не сбили его с ног.

Он пытался завести друзей, рассказывая им всякие необыкновенные истории, но мальчишки ещё с большей жестокостью высмеивали его.

После смерти отца (Гансу-Христиану было тогда девять лет) нужда особенно крепко взяла в свои цепкие объятия прачку Анну-Марию и её сына. И юный фантазёр-мечтатель стал ещё упорнее сторониться людей.

Увлечённый театром (в котором, правда, Ганс был один-единственный раз), он пишет стихотворную трагедию «Абор и Эльвира» и читает ее соседям. Те ехидно высмеивают его, а потом замечают, что-де он уже большой, чтобы заниматься такими глупостями. Взялся бы лучше за какую-нибудь работу.

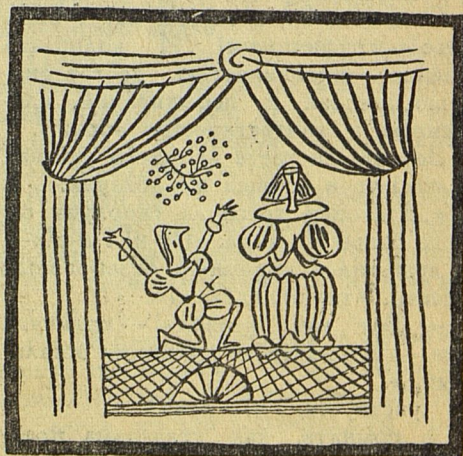
Мать тоже хочет, чтобы Ганс-Христиан научился ремеслу портного. Сын решительно отказывается. Один знакомый расклещик афиш

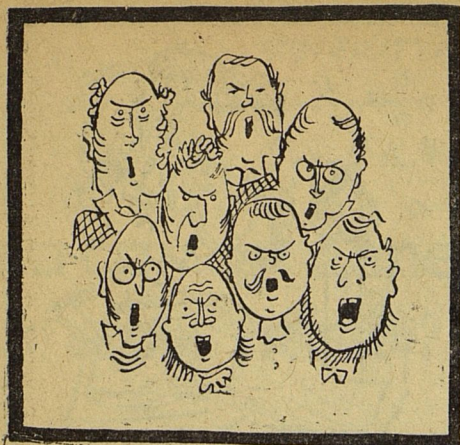

устроил его статистом в столичную театральную труппу на время её выступлений в Одессе. Колдовской, чарующий мир театра открыл ненадолго свои потайные двери перед Гансом. И он решил раз навсегда, что уедет из этого злосчастного городка. В столицу. В Копенгаген. Чтобы стать там актёром!

Но пока приходится идти работать. Сперва на табачной фабрике, потом — на суконной. Но и здесь застенчивому, нелюдимому мальчику приходится терпеть насмешки, как и в школе.

Наконец четырнадцатилетний Ганс-Христиан навсегда уезжает из Одессы в Копенгаген — навстречу новым невероятным трудностям и лишениям, оскорблениям и издёвкам, навстречу первым настоящим творче-

ским радостям и первым литературным успехам, навстречу своей всемирной славе...

Ничего вам это не напоминает? Ну, к примеру, его же сказку «Гадкий утёнок»?..

Прочтите её заново. Вдумайтесь в то, о чём повествует она, какие чувства и мысли выражает, что таится в ней между строчками. И вы поймёте, что это не просто бесхитростная сказочка для детей, написанная великим датчанином в минуту творческого вдохновения. Это — документ большой выразительной силы, в котором есть и горечь, и раздумья, и воспоминания почти сорокалетнего уже писателя о его нелёгком детстве («Гадкий утёнок» был написан в 1843 году), и тонкая издевка над теми, кто ему прочил место в сумасшедшем доме.

Оказывается, и сказки могут быть автобиографичными! И волновать именно жизненностью, достоверностью мыслей и переживаний, вложенных в фантастические образы.

Вот вы листаете «Гадкого утёнка» и читаете в первых же абзацах:

«...Наконец треснула скорлупа самого большого яйца. «Пи-и! Пи-и!» — и вывалился огромный безобразный птенец. Утка оглядела его.

— Вот так верзила! — крикнула она. — И ничуть не похож на остальных...»

Чувствуете, о чём речь?

А помните, как утка-мама представляет своих утят обитателям

птичьего двора, в том числе старой знатной утке испанской породы?

«Утята поклонились и крикнули, но другие утки только оглядывали их и говорили громко:

— Ну вот, ещё целая орава! Будто нас мало было! А один-то какой безобразный! Нет, этого мы не примем!

И одна утка мгновенно подскочила и клюнула утёнка в затылок.

— Не трогай его! — сказала утка-мать. — Что он вам сделал? Ведь он никому не мешает.

— Так-то так, но очень уж он велик, да и чудной какой-то! — заметила утка-забияка. — Надо ему задать хорошую трёпку!..»

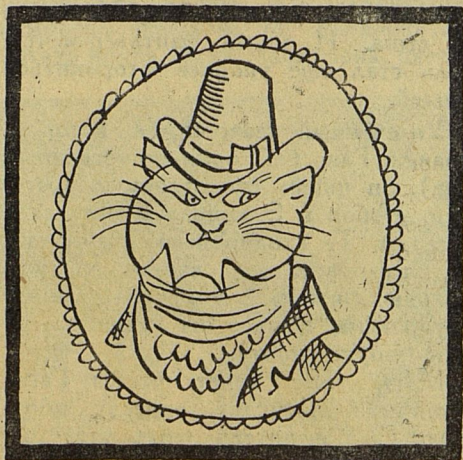
Сколько клевали Андерсена в детстве, сколько раз ему задавали трёпку только потому, что он был «чудной какой-то»!

А старая утка испанской породы — и именно потому такая жирная, — увидев утят, воскликнула:

«Славные у тебя детки!.. Все очень милы, кроме одного... Этот не удался! Хорошо бы его переделать». (Сколько раз пытались переделать и юного Андерсена, только, к счастью, из этого ничего не вышло.)

«...бедного, безобразного утёнка, — читаем дальше в сказке, — того, что вылутился позже других, обитатели птичьего двора клевали, толкали и осыпали насмешками решительно все — и утки и куры».

Индюк во гневе чуть не растоптал утёнка, родные братья и сёстры сер-

дито кричали на него: «Хоть бы тебя кошка утащила, урод несчастный!», утки клевали его, куры щипали, а девушка, что кормила домашнюю птицу, толкала утёнка ногой...

Вы читаете сказку строка за строкой, и за каждой из них вместо несчастного «гадкого утёнка» перед вашим мысленным взором встаёт сам Андерсен — с его несчастным, исклѣванным, ищипанным, истолканным детством.

Вспомните еще один эпизод. Убежав с птичника (как Андерсен из Оденсе), утёнок попадает в избушку, где жила старушка и обожаемые ею кот и курица. Господином в доме был кот, а госпожою курица, и оба всегда говорили: «Мы и весь свет!» Себя они считали половиной всего света, причѣм лучшей его половиной. (Как тут не вспомнить спесивых особ из высшего общества и литературных кругов Копенгагена, где Андерсен пробивал себе дорогу к славе.) Утёнку же (как и Андерсену в Копенгагене) казалось, что на этот счёт можно быть и другого мнения. Курица, однако, этого не потерпела. (Ещё бы!)

«— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утёнка.

— Нет.

— Так и держи язык на зубах!»

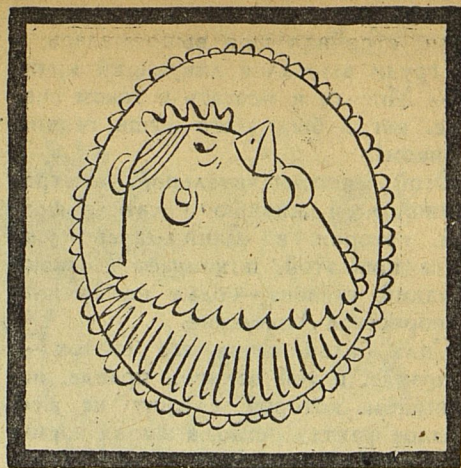
Андерсен не умел делать то, что ему навязывали. А то, к чему его влекло (литературное творчество), — вызывало насмешки, раздражение, непонимание.

«— Ну, конечно, ты совсем рехнулся! Спроси кота, он умнее всех, кого я знаю, нравится ли ему плавать и нырять?..

— Не понять вам меня! — сказал утёнок.

— Если уж нам не понять, так кто же тебя поймѣт? Может ты хочешь быть умней и кота и хозяйки, не говоря уж обо мне?..»

Сколько иронии вложил Андерсен в эти слова! Утёнок был умней и кота и хозяйки, и потому непонятен им, как и сам писатель был и умнее, и талантливее, и благороднее многих литературных авторитетов

того времени, но слышал от них неизменно одно:

«— Умеешь ты выгибать спину, мурлыкать и пускать искры?

— Нет.

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят те, кто умнее тебя...»

Переделать лебедя в заурядную утку — это было девизом воинствующего мещанства.

Но вот после долгих и трудных лет Ганс Христиан Андерсен стал наконец крупнейшим писателем с мировым именем.

«И теперь он был уже не безобразной темно-серой птицей, а лебедем!» — читаем мы.

И следом за этим идут мудрые, исполненные глубокого смысла слова:

«Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца».

«Теперь он был рад, что перенёс столько горя: он лучше мог оценить своё счастье и всю красоту, что его окружала... И старые лебеди склонили перед ним головы».

А среди них — такие «лебеди», как великий английский писатель Чарльз Диккенс, как немецкий поэт Генрих Гейне, писатель Шамиссо и многие другие.

«А он совсем смутился и спрятал голову под крыло... Он был невыразимо счастлив... Он помнил то время, когда все его презирали и преследовали. И вот крылья его зашу-

мели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Мог ли я мечтать о таком счастье, когда был всего лишь гадким утёнком!»

Этой многозначительной, выстраданной всей жизнью писателя фразой, которая в Дании давно уже стала крылатой, и кончается сказка «Гадкий утёнок» — одна из лучших в творчестве Андерсена.

Сила большинства его сказок — в правде, в той великой правде, источником которой служит не бескрылое фантазёрство, а живая жизнь со всеми её горестями и радостями, потерями и находками, с её борьбой.

Правда эта пропущена через сердце писателя; едва ли не в каждую сказку он вложил частичку самого себя.

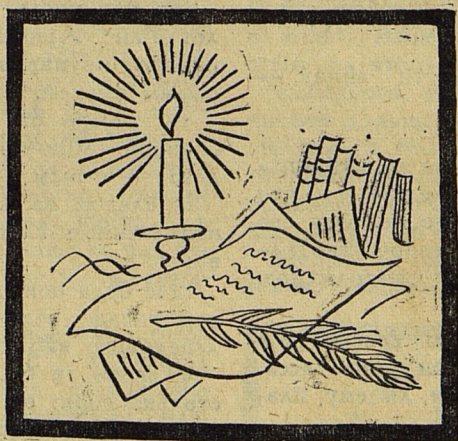
Как заметил один писатель, знаток датской литературы, «Соловей» из одноимённой сказки — это сам Андерсен, и стройный оловянный солдатик — тоже Андерсен, и даже Дюймовочка, плывущая по ручью на оторвавшемся листке, — опять-таки Андерсен. Удивительные порою формы принимает у писателя желание рассказать о самом себе. То есть о своих мыслях и чувствах, переживаниях и наблюдениях.

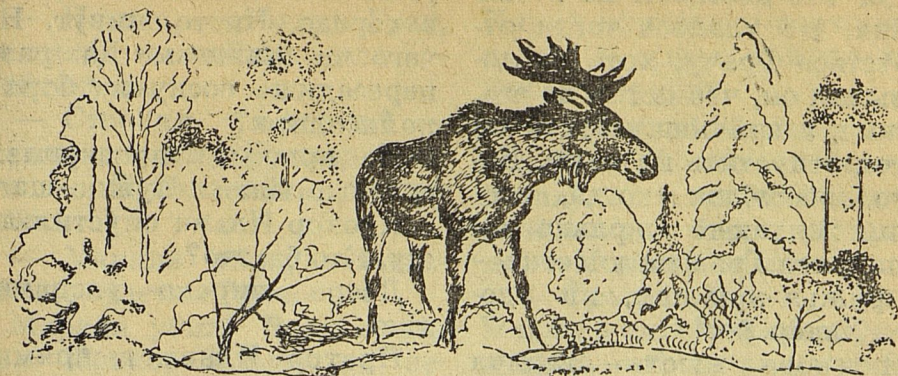
Кто из героев жил на самом деле, а кто был выдуман писателем, поэтом?..

Да, на этот слишком прямолинейный вопрос поистине очень, очень нелегко ответить.

Уверен, что и вы теперь убедились в этом. Не так ли?

Вл. САШОНКО

В ЗАПОВЕДНОМ ЛЕСУ

ПРОХОР Ильич отложил суконку и провёл ладонью по гладкой поверхности лыжи. Смазал на совесть, постарался. А выйдет в лес, и опять приключится неладное. Зимы-то год от году становятся всё хуже. Квёлые какие-то зимы. С утра лыжи скользят хорошо, а к полудню еле ноги тянешь. Вроде и подлипа-то настоящего нет, а вот не идут лыжи.

А может, и не зимы виноваты. Не раз уже намекали в управлении заповедника, что пора старому наблюдателю на покой. Отработал своё.

Покой. Пенсия! Куда пойдёшь из кордона, где каждая половица обжита? Оставить заповедник! Вся жизнь здесь прошла. Сколько зверья сберег, рыбы. Кого порадует уход старого наблюдателя? Игната Коровина да Сеньку

Шалого, да Рукосуева Михайла. Вот когда разгуляются они в заповедном лесу!

С той поры, как неподалёку от кордона создали лесопункт, не стало покоя наблюдателю. Рядом валят лес. Зверьё перебежало в заповедник. За ним потянулись и любители лёгкой добычи. То утиное перо подвернётся на болоте или блеснёт на кочке стреляная гильза, а то запнётся нога за петлю из мягкой пережжённой проволоки. Приходилось и капканы снимать.

Сколько раз ловил Прохор Ильич Василия Грача. Предупреждали Грача, штрафовали, даже судом стращали. А тот одно твердит: «А чего я худого в лесу делал?» И поймать-то его с поличным трудно. Попадался он, правда, с грибами да с удочками. Так за это не особенно

прижимают. Прошлой весной прихватил его Прохор Ильич, когда тот доставал из петли зайца. Не удалось тогда отвертеться Грачу, хоть и доказывал он, что петля не его, чужая, а зайчишку будто он хотел отпустить на волю. Дорого обошёлся тогда ему заяц. А так-то сколько ни попадался Грач на участке—ни ружья при нём, ни удочек. Хитёр, бес!

И снова мысль старика вернулась к наболевшему. На пенсию! А куда он с той пенсией? Сын зовёт к себе. Работает он на шахте. Там, дол-

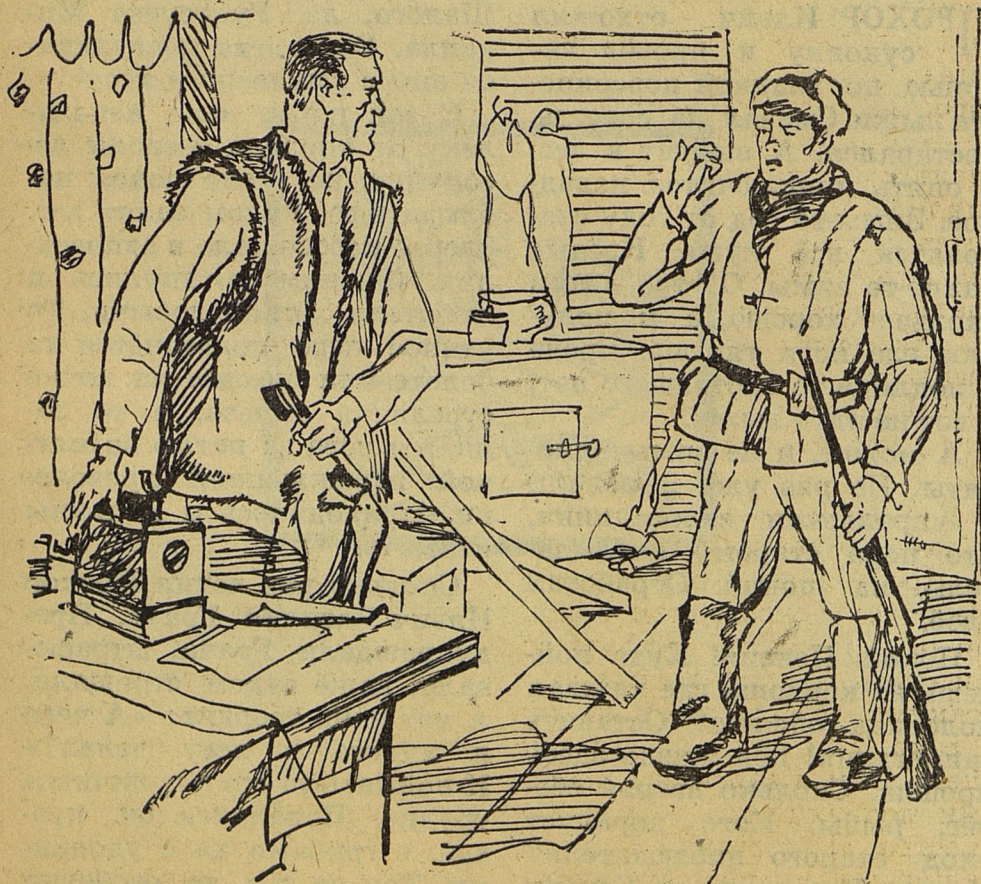
жно быть, и воздуха-то настоящего нет, пополам с угольной пылью. Обе дочери в городе. Чисто живут. Ничего не скажешь. Да разве пересадишь сосну из бора в палисадник?

По крыльцу проскрипели грузные шаги. Чужие шаги!

Прохор Ильич опустил лыжу. Кто бы это?..

Дверь широко распахнулась.

Прохор Ильич выпрямился. Грач! Пришёл на кордон. С ружьём! Некоторое время оба молчали. Первым заговорил наблюдатель:

— С ружьём ходишь? Предупреждение милиции забыл?

— Помню, — ответил Грач, не глядя на наблюдателя. — Всё помню.

— Стрелял сегодня? — грозно спросил Прохор Ильич. — Признавайся лучше сам.

— Марала убил, — вызывающе ответил Грач.

Марала убил! Всего ожидал Прохор Ильич от нежданного посетителя. Но чтобы ловкий браконьер, всегда отпиравшийся от обвинений в мелких провинностях, пришёл на кордон и признался в серьёзном преступлении!.. Такое не укладывалось в привычные представления старого наблюдателя, сразу обострило смутную тревогу.

— Да, знаешь ты, чего наделал? — Прохор Ильич поднялся. Худой, плечистый и чуть сутулый, он стал от гнева выше ростом, шире. — Маралы завезены на расплод. С Дальнего Востока завезены. За такое... под суд! А с тебя втрое спросят. Давно ты у нас на заметке.

— Вот то-то, что на заметке, — неопределённо ответил Грач. — Постарался!

Прозвучавшая в голосе посетителя откровенная неприязнь удержала готовый сорваться упрёк. Толковать с таким!.. Даже внешний вид Грача был уликой против него. Серые валенки с рыжими подпалинами, — грелся у костра. Из стёганки в узкие, клинышками порывы, видне-

лась вата, — продирался через чащу. Но главное — ружьё. В заповеднике. Прохор Ильич крупными шагами подошёл к столу, поднял телефонную трубку.

— Положь! — властно бросил Грач. Скуластое лицо его с падающим на лоб рыжеватым вихром было неподвижно. — Положь, говорю.

— Грозишь? — Прохор Ильич с силой провернул индуктор. — Я не из пугливых. А ружьишко поставь в угол.

— Узнай прежде, зачем я пришёл, — глухо произнёс Грач, не спуская упорного взгляда с наблюдателя. — Милиция! Суд! Недаром и кличка у тебя подходящая. Бирюк!

Обветренное красное лицо Прохора Ильича вспыхнуло от такой дерзости. Морщины стали резче. Он ещё раз провернул ручку аппарата. Спит телефонистка, что ли?

Грач смотрел на него по-прежнему неприязненно, почти враждебно.

— Олешек тот бешеный был.

— Бешеный? — Прохор Ильич опустил руку с трубкой.

— Утром встретил его в бору, что за Еловой падью, — сдержанно продолжал Грач.

— Ну? — недоверчиво поторопил его Прохор Ильич.

— Бежит неровно, рывками. Проскочит немного и на рысцу перейдёт. И шаг-то у него валкий. Без лёгкости. Я за ним. А он остановится, хочет хватить снежку и не

может. Тычется мордой в сугроб... Никак! Сбегал я на лесопункт. Выпросил у машиниста ружьё. — Он шлёпнул ладонью по прикладу бескурковки. — Вернулся к Еловой пади. Нашёл олеска. Тот кружил всё на одном месте. Вышел он на меня. Глаза мутные. Из рта слюна бьёт, пенится. И слёзы... Понимает. Конец пришёл.

— И ты его?..

— Застрелил. — Грач поставил ружьё между ног и достал пачку «Севера», закурил. — А на боку у него отметина. Похоже, волчья.

— Врёшь! — вырвалось у Прохора Ильича.

— Сходим. — Грач глубоко затынулся. — Сам увидишь.

СВЕЖАЯ лыжня вывела в старый, мрачный ельник. Серые стволы, серые космы свисающих с еловых лап лишайников, серое небо усиливали гнетущее ощущение тревоги. Не стоило идти с Грачом. Может, выдумал он всё, в отместку за прошлое: задержания, штраф. Прохор Ильич обернулся. Позади, увязая по брюхо в снегу, тяжело скакал Серый. Стало спокойнее. С собакой в лесу надёжнее.

Старый наблюдатель знал, что такое больной зверь в заповеднике. Лет десять назад на соседний участок забежал бешеный волк. Что тогда поднялось! Начальство наехало. Вызвали в помощь наблюда-

телям охотников из города. Больной зверь метался по мелколесью и болотам, дважды прорывался из обклада. Дважды выходил он на выстрел так неожиданно, что охотники «мазали». Снова приходилось искать его, обкладывать. С месяц потом наблюдатели выслеживали по всему заповеднику заражённых зверей, отстреливали...

— У тебя ружьё чем заряжено? — остановился Грач.

— Картечью.

— Заряди жаканом. Не на зайчишку идём.

Пока Прохор Ильич перезаряжал ружьё, их нагнал Серый — крупный пёс с острыми ушами и широкой жёлтой грудью. Он бежал за лыжниками тяжело, почти по грудь проваливаясь в рыхлый снег.

Снова шли молча, занятый каждый своими думами. Лыжня огибала сбившиеся в плотные кучи молоденькие ёлочки, крупные деревья, палые стволы.

Грач остановился. Подождав отставшего наблюдателя, он показал на пересекающий лыжню след волка:

— Гляди.

— Он, — коротко бросил наблюдатель.

— Свежий след, — сказал Грач. — Когда я шёл к тебе, его ещё не было.

— Пойдём по нему, — решил Прохор Ильич. После того как Грач посоветовал ему перезарядить ружьё, застарелое недоверие наблюда-

теля смягчилось. Но легче не стало. След был волчий. И шёл он не ровной цепочкой. Ноги зверя глубоко распахивали снег. Иногда след переходил в неглубокие вмятины: здесь волк, обессилев, припадал на грудь.

— Постой, — остановил Грача Прохор Ильич. — Серого пустим вперёд. Сам сказал: не на зайца идём.

Они подождали отставшую собаку. Теперь впереди тяжёлыми скачками двигался Серый, плавно взмахивая пушистым хвостом. За ним не спеша шёл Прохор Ильич и за ним Грач.

Идти становилось всё труднее. Волк пробирался мелколесьем. Ветви ёлочек сплетались под ногами, хлестали по лицу. Надолго задержало лыжников палое дерево. Пришлось обходить его сухие колючие ветви. Теперь уже Прохор Ильич и Грач отставали от Серого, легко проходившего в мягкой хвое. Время от времени пёс останавливался и, помахивая хвостом, поджидал хозяина.

На спуске с пригорка лыжи Грача скользнули под прикрытый зелёным лапником валежник. Прохор Ильич помогал ему выбраться из ловушки, когда из хвои выскочил Серый. Он бежал к людям изо всех сил, высоко взбрасывая ноги и боязливо оглядываясь на ельник.

Прохор Ильич щёлкнул предохранителем ружья.

Ёлочки стояли тихо, насто-роженно, будто и они чувст-

вовали близкую опасность. Ни одна ветка на них не шелохнулась. Лишь изредка медленно и торжественно опускалась с них лёгкая изморозь.

Серый прижался к ногам Прохора Ильича. Сильное тело собаки била дрожь. Пёс еле слышно взлаивал, словно жалуясь хозяину, просил прощения, что не может идти в чашу.

Грач нагнулся, осматривая собаку.

— Не гляди, — остановил его Прохор Ильич. — Раз не облизывается, стало быть, волк его не попятнал.

Больной зверь был близко, возможно — где-то рядом. Казалось, вот-вот из ёлочек вырвется оскаленный волк с затуманенным болезнью инстинктом, потерявший привычный страх перед человеком.

Как ни посылал Прохор Ильич Серого по следу, пёс не шёл в хвою. Жалобно взвизгивая, жался он к ногам хозяина всё плотнее, готовый принять гнев его, брань, даже удары, только бы не отходить от людей. Серый либо видел, либо учуял больного зверя.

Рассчитывать на его помощь было нечего...

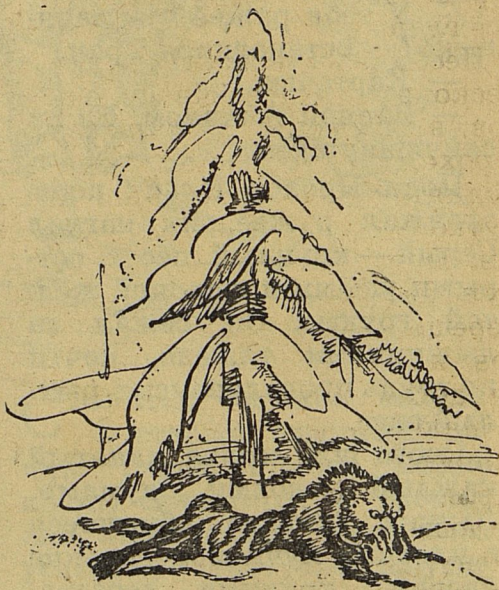
— Что ж теперь? — спросил Грач. — Волчина где-то рядом.

— То-то что рядом, — тихо ответил наблюдатель.

— Не упускать же его? — горячился Грач. — Потом ищи да ищи.

— Надо взять его, — согласился Прохор Ильич.

После короткой передышки дыханье его выровнялось, вернулась и привычная решимость. Он хотел двинуться дальше и не смог: мешал прижавшийся к ногам Серый. Дважды отталкивал его Прохор Ильич, и снова пёс возвращался к нему, испуганный, дрожащий. Надо бы-

ло избавиться от бесполезной собаки и идти за зверем самим.

— Домой! — негромко приказал Серому Прохор Ильич. — Кому говорю? Пошёл домой!

Серый охотно подчинился приказу хозяина и припустил в сторону кордона.

Прохор Ильич и Грач осторожно двинулись по следу, держа ружья повыше, чтоб не задеть за ветви и не выстрелить ненароком. Скрип

снега под лыжами казался сейчас громким, как и шорох ветвей.

Серый пробежал немного. Оглянулся. Хозяина за ним не было. Пёс беспокойно кружил на месте, еле слышно взлаивая, рыл ногами сыпучий снег. Он звал хозяина, звал от опасности, равной которой нет в лесу. А тот упорно не сворачивал, уходил в страшивший собаку ельник всё глубже...

Пёс не выдержал. Сделал несколько неуверенных шагов в сторону, где скрылся Прохор Ильич, и замер с приподнятой передней лапой и чутко настороженными ушами. Призывно тявкнул. Ещё несколько нерешительных шагов, и Серый помчался догонять хозяина.

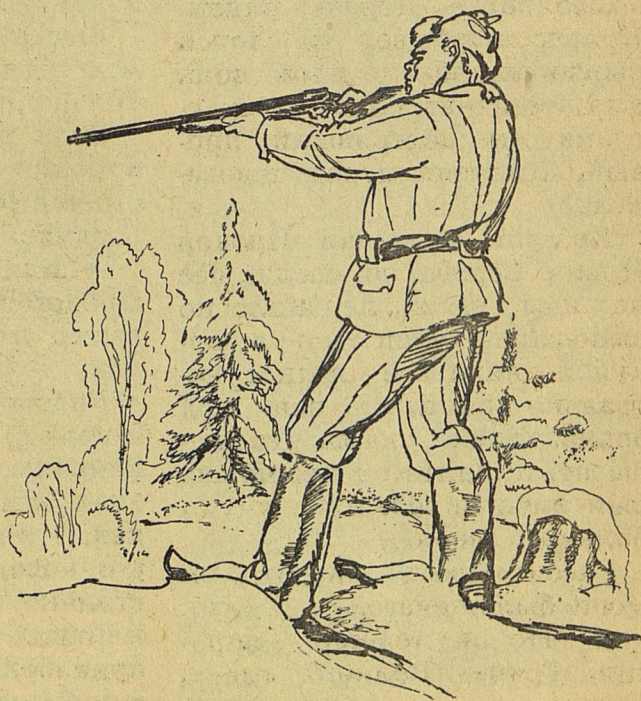
Мелколесье становилось всё гуще. Хвоя сбилась в сплошную зелёную стену, укрывавшую хворост, кочки и палые деревца. Всё чаще не видные под зеленью сучья попадали поверх лыж, вжимали их в снег. Освобождая лыжи вслепую, лыжники почти не отводили глаз от ельника, из которого каждое мгновение мог вырваться волк.

Серый, догнав хозяина, сперва неохотно брёл за ним, потом обогнал его и встал перед лыжами. Ласковый толчок знакомой руки — пёс

ощетинился и пошёл вперёд. Двигался он нерешительно, часто останавливаясь.

Неожиданно Серый присел, словно готовясь к нападению. Остановился и Прохор Ильич. В лесу было по-прежнему тихо, а пёс продолжал стоять всё в той же позе. На загровке его поднялся высокий щетинистый бугор.

Несколько раз пробовал Прохор Ильич послать собаку вперёд. Серый не двинулся. А когда наблюдатель, потеряв терпение, слегка подтолкнул его прикладом, пёс неожиданно бросился лапами на грудь хозяина, еле слыш-

ным поскуливанием, взглядом просил его остановиться, не идти дальше.

Грач молча следил за ними, потом показал рукой

Прохору Ильичу: стой здесь, я пойду первым.

Мягко, без малейшего шороха, отводил он от лица ветви ёлочек, всматривался вперёд и так же беззвучно подтягивал лыжу. Осмотрится и сделает ещё такой же осторожный шаг, и ещё...

Грач остановился. Вытер пот с лица. Оглянулся.

Прохор Ильич понял его безмолвную просьбу. Он оттолкнул от себя дрожащую собаку и скользнул вперёд. Серый метнулся было назад и тут же вернулся, пошёл рядом с хозяином, беззвучно скаля зубы на невидимого врага.

Лес редел. Деревья становились крупнее. За ними просвечивала прогалина. Идти стало легче.

Грач вышел на поляну первый. Осмотрелся. Справа высилась старая ель. Пушистые лапы её крутой зелёной волной падали до земли. На нижних ветвях, лежащих на снегу, свернулся в клубок худой крупный волк; настолько худой, что даже под взъерошенной клочкастой шерстью чётко выделялись полукружья рёбер.

Зверь подышал. Полуприкрытые глаза его были мутны, словно подёрнуты плёнкой, ресницы и покрытая засохшей пеной пасть заиндевели, оттопыренная задняя нога мелко тряслась.

Грач стоял не шевелясь, поджидая Прохора Ильича. Ожесточение, охватившее его во время погони, сразу схлы-

нуло, сменилось желанием поскорее покончить со страданиями зверя.

Наконец-то подошёл наблюдатель. За ним виднелся Серый с вздыбленной шерстью и оскаленной клыкастой пастью. Но грозного в нём ничего не было. Был только страх перед лежащим на ланике издыхающим зверем.

Грач показал Прохору Ильичу глазами на волка.

— Кончай, — сказал наблюдатель.

Грач поднял ружьё. Волк не шелохнулся, не отвёл взгляда от наведённого на него тёмного дула. Лишь оттопыренная в сторону нога задрожала чаще.

Выстрел стряхнул с еловых лап лёгкие снежинки, покати́лся в глубь леса.

Волк резко выпрямился и, опрокинувшись на спину, часто-часто затряс ногами в воздухе.

— Наделал он мне забот! — Прохор Ильич снял шапку, вытер платком влажную голову. — Ой, наделал, изверг!

Рядом с ним Серый сжался в комок, готовый не то к падению, не то к бегству. Пёс знал, что такое выстрел, видел, что волк мёртв. Но ужас его перед болезнью был настолько силен, что даже мёртвый волк страшил его куда больше, чем живой могучий, но здоровый хозяин леса — медведь.

ПРОХОР Ильич сидел с поникшими вялыми плечами, не спуская тяжёлого

взгляда с телефона. Разговор с управлением заповедника был нелёгким. Вывод начальства короток: надо немедленно заняться поиском и отстрелом больных зверей. В мягкости, с какой убеждали Прохора Ильича в необходимости сделать это быстро, ощущалось недоверие — не к нему, а к его возрасту и физическим возможностям. И на помощь особую сейчас рассчитывать нечего — тревога ведь пойдёт по всему заповеднику, всех поднимут на ноги. Кто знает, откуда появился больной волк? Возможно, и забежал-то он с другого участка. Может, он с месяц бегаёт по лесу, перекусал десятки зверей? Тут нужны ноги и ноги. Придётся с утра и дотемна бегать на лыжах, забираться в чащобы и буреломы, всматриваться в каждый след встречного зверя или зверюшки. Запомнилось Прохору Ильичу, как десять лет назад пристрелил он бешеного барсука. Какой это зверь? А опасность от него тоже была немалая. Больной!..

— Ну, я пошёл! — перебил его размышления Грач.

Он надел шапку, взял ружьё и не двинулся с места.

— Спешешь? — насупился Прохор Ильич.

— Утром на смену, — сказал Грач. — Надо отдохнуть.

— Летом шатался по заповеднику днём и ночью, — недовольно проворчал Прохор Ильич. — А тут... отдохнуть захотел.

— Так то ж я ради удовольствия, — ответил Грач. — Иной раз заглядишься на какого зверька и про время позабудешь. У устья Зеленухи, к примеру, третий год гнездится утка. Занятная уточка. Птенцов своих...

— Ты-то как попал туда, — перебил его Прохор Ильич, — к устью Зеленухи?

— Для интереса.

— Там же болота. Непролазные.

— Зато и живья всякого в тех болотах! — Грач оживился. — Там тебе и цапля и вальдшнеп. Веришь, нет?.. Впервые в жизни видел выпь на гнезде. Чудная птица! Заметила меня и обмерла. Ста-ла как коряга.

— Выпь видел? — недоверчиво переспросил Прохор Ильич. — На гнезде?

— А чего ты удивляешься? — спросил Грач. — Есть там, на болоте, взгорок сухой, песчаный. Так на том взгорке в одной норе живут лиса и барсук. Ходят друг мимо друга и вроде не замечают. Потеха!

Он увидел мрачное лицо собеседника и смущённо замолк.

Неловкое молчание прервал Прохор Ильич.

— Завтра подаю заявление, — сказал он.

— Какое заявление? — не понял Грач.

— На пенсию пора.

— С кордона уйдёшь? — не поверил Грач.

— Некуда идти, — отрывисто бросил Прохор Ильич.

Ушёл бы он раньше, так было бы честь по чести. А теперь, в такое время, оставлять заповедник... Он тяжело вздохнул. — И делать здесь нечего. Негоден стал. Стар.

Он подождал ответа. Грач молчал, играя ремнём ружья.

— Что ж молчишь? — не выдержал Прохор Ильич.

— Я бы не ушёл, — осторожно, не желая обижать старика, произнёс Грач. — Нипочём не ушёл бы.

— Наедет завтра начальство, — задумчиво сказал Прохор Ильич. — Бешенство в лесу! Давай ищи больных зверей. А ноги мои... не те.

Грач не умел утешать. Он сочувственно вздохнул и уставился маленькими глазками в какое-то пятнышко на полу. Лишь сейчас он заметил, как запущено жильё одинокого старика: давно не белённую печь, пожелтевшие занавески на окнах, пятна на обоях.

— Придётся уйти отсюда, — повторил, убеждая себя, Прохор Ильич.

— Зачем тебе уходить? — неуверенно возразил Грач. — Домина-то вон какой! Три комнаты! Попроси, чтоб оставили тебе одну.

— Оставят! — Прохор Ильич покрутил головой. — Приедет новый наблюдатель... — Он пристально посмотрел на Грача. — А если тебе заступить на моё место?

— Наблюдателем? — недоверчиво переспросил Грач. — А возьмут?

— Время такое. — Прохор Ильич подумал. — На кордон нужен человек... чтобы спервого дня взялся за поиск больного зверя. А где такого найдёшь? Второпях-то!

— Меченый я. — Грач потускнел. — Сколько ты на меня писал? В милицию тягали.

— Меченый, — согласился Прохор Ильич и неожиданно повернул беседу: — Значит, знаешь участок. А грехи твои... Заяц вот только... Не хорошо!

— Не брал я зайца! — загорячился Грач. — Отпустить хотел да петлю изорвать. А если уж пошло на откровенность... Знаю я, кто тут петли ставил. Выдавать его не стал, по-соседски, а сказал твёрдо: брось! И штраф заставил вернуть мне. До копеечки вернул.

— Ну вот! — подхватил Прохор Ильич. — Остальное что... рыбка, да грибки, да заход в запретный лес. Завтра приедет директор. Давай потолкуем с ним... Нет, лучше я сам. Надобно насчёт зайца объяснить, — размышлял вслух Прохор Ильич. — Лучше, конечно, сказать. Чтоб начистоту всё было. А то потом выплывет... Как у тебя насчёт провинностей? На работе.

— Две благодарности, — ответил Грач. — Да вот... неприятности за заповедник.

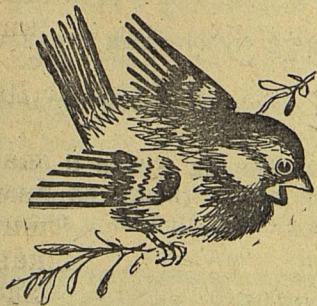
Прохор Ильич смотрел на телефон и думал, думал. Можно ли верить Грачу? Не подведёт? А какой другой

человек стал бы забираться так просто, из любопытства, в гиблые болота, наводить порядок в заповеднике? Кто пошёл бы в чащобу за бешеным волком? Такой человек ни птицу, ни зверьё в обиду не даст. И это стало сейчас самым важным для Прохора Ильича...

Ник. ФИЛИППОВ

В О Р О Б Е Й

Едва
Рассветные лучи
Позолотят окно,
Я слышу —
Он уже стучит:
— А ну, давай зерно! —
Не дашь —
Проныра воробей
Обшарит всё кругом.

Горланят птицы:
— Вора бей! —
А тот уж за углом!

Метёт буря,
Звенит мороз —
И выглянуть нельзя.
«Ну, воробышка мой
замерз!». —

Порой тревожусь я.
Но только
Солнце над селом
Покажет ясный лик,
Я снова слышу за окном:
— Чирик,
чирик,
чирик!

— Ага, ты жив,
Приятель мой?
Ну что же — не робей! —
И вновь
Идёт на всех войной
Отважный воробей.

На забияку
Хитрый кот
Прищурил жёлтый глаз.
А тот без страха
Скок вперёд:
— Не трогай лучше нас! —
...Задира, плут,
Но я к нему
По-дружески привык.
И целый день звенит в саду:
— Чирик,
чирик,
чирик!

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Юные коллекционеры, рассматривая альбомы с марками капиталистических государств, всегда удивляются: почему среди множества портретов на почтовых знаках так мало женских лиц? А если уж попадётся на глаза марка с женским портретом, то это обязательно какая-нибудь королева или принцесса!

Так было и в царской России. На дореволюционных русских марках из женщин были изображены только царицы. И по сей день в королевствах, которые ещё пока сохранились на земном шаре, выпускаются почтовые знаки с изображениями царственных особ.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции женщины нашей страны получили во всём равные права с мужчинами. На марках первого в мире социалистического государства появились портреты женщин. Не цариц и принцесс с коронами на головах, а простых тружениц, каких в нашей стране были десятки миллионов.

На советских почтовых знаках впервые в мире начали изображать рабочего, крестьянина, красноармейца, оберегающего границы Советского государства. А вскоре были выпущены марки с портретами работницы и крестьянки. Первые две женщины, представительницы нового мира, изображённые на марках, вызывали удивление за границей. Кто они? Чем заслужили такой почёт?

Это были люди труда, которые наравне с мужчинами строили социалистическое общество.

А кто была третья представительница женщин нашей страны, появившаяся на почтовой марке?

В 1936 году издана серия марок, посвящённая жизни и быту пионеров. На заключительной марке этой серии (всего их было четыре) изображена пионерка, отдающая салют. Она-то и оказа-

лась третьей женщиной, портрет которой мы увидели на наших марках.

После окончания гражданской войны, ликвидации разрухи к нам стали приезжать из-за рубежа многочисленные рабочие делегации. Всем им хотелось своими глазами увидеть, как советские рабочие и крестьяне, изгнав царя, капиталистов, помещиков, сами строят новую, счастливую жизнь. Многие из зарубежных делегатов старались приобрести наши почтовые знаки. Как только в их руки попадали марки с портретами женщин, они сразу же забрасывали вопросами:

— Кто это? Как зовут? Фамилия?

Им отвечали:

— Работница, колхозница, пионерка.

В 1938 году в нашей стране совершён на самолёте «Родина» большой беспосадочный перелёт из Москвы на Дальний Восток. Это был смелый воздушный прыжок. Ведь, поднявшись с Московского аэродрома, «Родина» пронеслась с запада на восток чуть ли не над всей территорией нашей огромной страны. А на борту этого самолёта находился женский экипаж: Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова. Молодых героинь славила вся страна. И вскоре в их честь была выпущена серия из трёх почтовых марок, на которых воспроизведены портреты смелых лётчиц. Вот тогда-то у нас появились первые почтовые знаки с именами и фамилиями женщин, изображённых на них.

С той поры советская почта выпустила десятки самых разнообразных марок, посвящённых знаменитым женщинам нашей родины, прославившим её своим трудом, талантом, подвигом. В этой галерее маленьких портретов мы встретим много знакомых лиц. Это выдающиеся революционерки, отважные партизанки, лётчицы, писательницы, мастера кисти, знаменитые актрисы...

Давайте совершим небольшую экскурсию по этой галерее. Вот на одной из марок — групповой портрет. Вышел этот почтовый знак к 92-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. На марке — точная, но уменьшенная копия фотографии, сделанной ещё в прошлом веке, 89 лет назад. На этой фотографии изображена семья Ульяновых, давшая миру замечательных революционеров, отважных борцов за счастье и свободу народов. Владимира Ильича мы видим здесь совсем юным, в мундирчике ученика Симбирской гимназии. Тут же его отец, мать, братья и сёстры. Сколько горя довело пережить матери Ильича Марии Александровне! Старший сын Александр был казнен царскими палачами, а другие дети многие годы томились кто в тюрьмах, кто в ссылке, кто в эмиграции. Но материнское сердце всегда благословляло детей на революционные подвиги.

На других марках мы видим портреты верной соратницы и жены Ильича — Надежды Константиновны Крупской. Почтовые знаки с изображением Надежды Константиновны издавались также и за рубежом. Известна такая марка, выпущенная болгарской почтой.

К столетию со дня рождения старшей сестры Ленина — Анны Ильиничны Елизаровой-Ульяновой — также была выпущена памятная марка.

На советских почтовых знаках изображены не только женщины нашей страны. Советский народ глубоко уважает и чтит выдающихся представителей культуры, науки всего мира. Поэтому на наших марках мы найдем портреты многих зарубежных борцов за свободу, учёных, литераторов, музыкантов, художников. Среди них немало и женщин.

Советская почта издала марки с портретами Клары Цеткин и Розы Люксембург. Этих выдающихся революционерок очень ценил и уважал Владимир Ильич Ленин. Клара Цеткин умерла в преклонных годах. Когда фашисты захватили власть в Германии, она поселилась у нас в стране и всеми средствами боролась с ненавистным ей фашизмом. Прах её замурован в Кремлёвской стене.

Розу Люксембург предательски убили наёмники немецкой буржуазии. Но память о ней живёт в летописи революции. Живёт она и на маленькой советской марке, выпущенной в честь пламенной Розы.

Богата наша Родина талантами, прославившими на весь мир русскую культуру. На нескольких советских почтовых знаках воспроизведены портреты знаменитых артисток. Их творчество — это ярчайшие страницы в истории русского театра. Вот марки с портретами драматических актрис Гликерии Федотовой и Марии Ермоловой. Мария Ермолова умерла уже при Советской власти, и ей одной из первых было присвоено звание народной артистки республики.

На советской марке мы видим также портрет знаменитой итальянской актрисы Элеоноры Дузе, чья игра заставляла трепетать сердца миллионов зрителей многих стран мира.

А кто создал в России первую скульптуру Карла Маркса? Это была необыкновенно одарённая ваятельница Анна Голубкина. Обучаясь искусству скульптора, она в то же время активно участвовала в подпольной революционной борьбе. Голубкина не страшилась опасностей. И когда ей товарищи по борьбе предложили создать бюст Карла Маркса, она с готовностью, полная творческого горения, принялась за работу и выполнила её.

В 1964 году, к столетию со дня рождения А. Голубкиной, у нас появилась марка с портретом этой очень известной женщины-

скульптора. Может быть, вы знаете картину В. Е. Маковского «Вечеринка». А известно ли вам, что один из персонажей этой картины — Анна Голубкина? Однажды художник увидел её на студенческой сходке. Молодая женщина его поразила своей внешностью, своим необыкновенным внутренним горением. Такой она и попала в знаменитую картину «Вечеринка».

Продолжим нашу экскурсию по портретной галерее почтовых марок. Многие из них посвящены героическим дочерям Страны Советов, отважно сражавшимся с фашистами в годы Великой Отечественной войны. Вот почтовые знаки с изображением Зои Космодемьянской. Кстати, марку с её портретом издала также почта Германской Демократической Республики в серии «Выдающиеся антифашисты».

На почтовом знаке, выпущенном ещё в годы войны, мы видим боевое ядро подпольной краснодонской группы «Молодая гвардия». И среди других с маленькой марки смотрят на нас портреты Ули Громовой и Любы Шевцовой.

А вот героиня последних лет, лицо которой появилось на марках не только Советского Союза, но и ГДР, Польши, Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Кубы и других стран. Вы, конечно, догадались, что эта легендарная женщина — Валентина Николаева-Терешкова, первая и единственная в мире женщина-космонавт.

Трудно перечислить все марки, на которых изображены наши славные женщины. Но две из них мне хочется упомянуть.

На одной художник нарисовал женщину-донора. Сотни тысяч женщин в годы войны помогали победе не только своим трудом на заводах и полях. Они отдавали свою кровь для спасения жизни раненых бойцов. И сейчас, в мирные дни, среди доноров — многие тысячи женщин. В честь их и выпущена марка, о которой я упомянул.

А на втором почтовом знаке изображена женщина, особенно знакомая и близкая вам, юные филателисты. Ну, конечно же, это — почтальон с толстой сумкой на ремне, в которой находится письмо с заветной маркой для тебя, молодой коллекционер! По всей стране у нас трудятся сотни тысяч женщин-почтальонов. Вот эти труженицы и увековечены на советских марках.

Э. МИРОНОВ

«Не люблю «слизывать!»

К рисункам на 3-й странице обложки

— Вставай, Аллочка, в школу пора!

— Сейчас, мама!

Алла вскакивает, отбрасывает с лица волосы, надевает очки и... к столу, рисовать.

— Сон свой, что ли, зарисовываешь? — наклоняется над ней мама.

Алла закрывает лист руками:

— Это сказка, только не смотри, пожалуйста, я ещё не закончила.

Мама вздыхает: эх, Алла, Алла! Время про уроки думать, как-никак первоклассница, а ей бы только картинки да сказки, принцессы да короли всякие. Мама вздыхает ещё раз и гонит девочку умываться и завтракать.

Потом Алла сидит на уроке и выводит буквы. Они у неё как нарисованные. Рука, привыкшая к рисованию, работает быстро. Сделав задание, Алла просто так пером по бумаге водит. Однажды водила-водила, — ворсинка на перо прицепилась. Хотела отцепить, повертела — дырочку в бумаге сделала, а перо стало как малюсенькая кисточка. Красить такой кисточкой не станешь, а рисовать — лучше не придумаешь: линии получаются толстые, чёткие, рисунок рельефный. Когда вечером показала своё художество отцу, тот руками всплеснул:

— Откуда у тебя фламастер?

Оказалось, что продаются иногда такие авторучки: вместо металлического перышка — шерстяной стержёнок. Он пропитан чернилами и рисует точь-в-точь как перышко с мусором на конце! Пришлось отцу приобретать дочке фламастер, а то, чего доброго, все тетрадки исковыряет. Она ведь без рисования ни минуты не может, даже летом на пляж брала с собой бумагу и карандаш. А придут к ней девочки поиграть — рассадит за стол, даст по листу бумаги, и все с увлечением рисуют...

Алла рисует с тех пор, как помнит себя, а может быть, даже раньше. Работает каждый день, без исключения. Её рисунки мы поместили на обложке журнала. А прежде чем они к нам попали, с ними произошла смешная история.

В Русском музее устраивали выставку детских рисунков. Строгая комиссия, которая их отбирала, вернула во Дворец пионеров работы Аллы Король и попросила быть внимательнее и не писать под такими уверенными рисунками смешотворное «6 лет».

Руководитель кружка рисования Александра Васильевна Кизелова обиделась и привела Аллу в музей. Там, перед комиссией, маленькая художница сделала несколько набросков. Та же уверенная рука, тот же сказочный мир. Рисунки взяли на выставку.

А вот совсем новая картинка: Золушка, которой надевают хрустальный башмачок. Этот рисунок отличается от прежних своей повествовательностью. Глядя на него, вспоминаешь всю сказку: и добрую Золушку, и злую мачеху, и её дочерей, завистливых и ленивых. Переход к таким сюжетным рисункам от набросков, от изображения отдельных сказочных персонажей — это шаг вперёд в творчестве юной художницы.

И посмотрите, какое своеобразие — налёт сказочности даже в изображении пионеров, читающих книгу о Ленине.

— Не люблю «слизывать», — говорит Алла.

Г. БЕЛЬТЮКОВА

АЙБОЛИТЫ

Любопытное происшествие случилось в Россонском районе Белоруссии. Рабочие автобазы косили сено в подшефном колхозе имени Кутузова. Вдруг кто-то заметил, что по лугу прямо к косарям шагает аист. Подойдя к первому

человеку, птица нерешительно остановилась.

— Видимо, с ним стряслась какая-то беда, — сказал рабочий и взял птицу на руки.

Аист не вырывался, и было заметно, что он проглотил что-то огромное.

Быстро нашли нож, и операция на лугу началась. Разрезали зоб и вытащили почти полуметровую гадюку, которая ещё шевелилась. Рану быстро зашили.

После операции аист постоял немного, как бы приходя в себя, а потом деловито зашагал от своих спасителей.

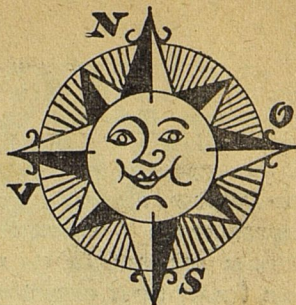
ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК ПОЯВИЛСЯ В АФРИКЕ

Ещё в 1902 году экспедиция учёных обнаружила на юге Эфиопии, в пойме реки Омо, следы поселений древних людей.

В истекшем году мир облетела сенсационная новость: в этом же районе найдены останки доисторического человека, жившего в Африке около трёх миллионов лет назад. Учёным удалось на глубине 610 метров обнаружить челюсть и зуб

доисторического человека, которому дано название паравстралопитека.

Учитывая, что останки самого древнего человека, найденного в Азии, насчитывают 700 тысяч лет, а «возраст» европейского доисторического человека составляет всего 400 тысяч лет, учёные пришли к выводу, что первый человек на земле появился в Африке.

СЕБЕ ДОРОЖЕ

В городе Гетсборге (Швеция) из зоомагазина был украден морской дракон. Воры и не подозревали, какая смертельная опасность нависла над ними. Одно прикосновение к копьевидным плавникам дракона так же смертельно, как укус кобры.

Шведские власти дали по радио объявление, предлагая вора́м, в их же собственных интересах, явиться в полицию.

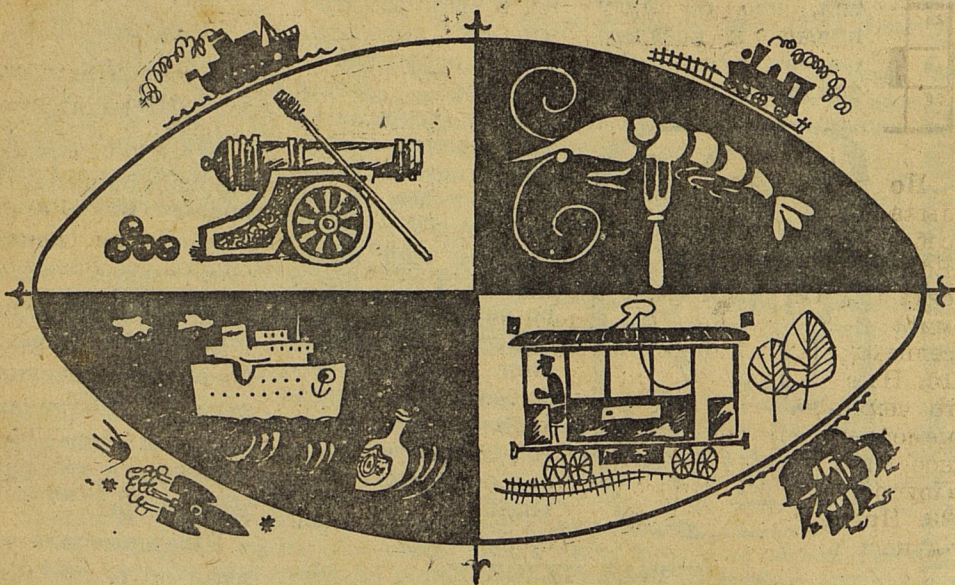
ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

...среди музеев первое место по посещаемости прочно удерживает Оружейная палата (Москва, Кремль)? В музее хранятся бесценные произведения прикладного и декоративного искусства старых мастеров. За год в нём бывает более миллиона

ные пытаются исследовать направление морских течений. Интересно, что подобный эксперимент был уже предпринят несколько лет назад, но... тогда были белые конверты, которые стали жертвами чаек. Орнитологи, к которым обратились за консультацией, по-

нее время уделяется большое внимание развитию промысла нерыбных продуктов моря.

★
...исполнилось 60 лет со дня начала регулярного трамвайного движения в нашем городе? Первый маршрут составлял всего 2,14 ки-

человек. Большой популярностью пользуются также музеи-соборы Успенский, Благовещенский, Архангельский. Для сравнения скажем, что Вестминстерский дворец, в котором находится английский парламент, за год посещает не более миллиона человек.

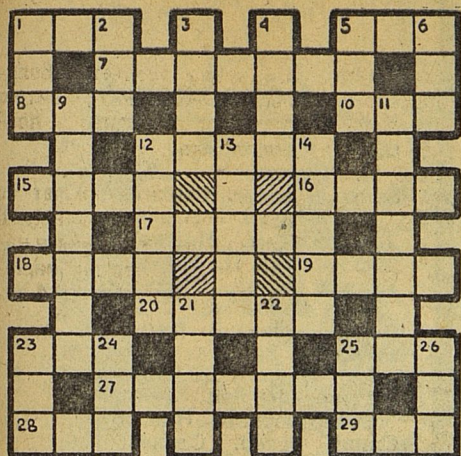
★
...недавно с борта французского лайнера «Франс», неподалёку от Ирландии, было выброшено в Атлантический океан 250 тысяч пластмассовых голубых конвертов? С их помощью учё-

рекомендовали голубой цвет. По их сведениям, чайки его недолюбливают.

★
...мировая добыча беспозвоночных составляет лишь 50 миллионов центнеров в год? Это мизерная доля по сравнению с тем, что могут дать недра мирового океана. Креветки, langoustы, мидии, устрицы, кальмары должны быть для человека не только деликатесами, но и постоянными продуктами питания. В нашей стране за послед-

лометра. На десяти вагончиках, которые ходили по этому маршруту, можно было проехать от Большого проспекта Васильевского острова до Адмиралтейства. Сейчас общая протяженность городских маршрутов составляет почти 750 километров, на которые каждое утро выходит 1350 трамвайных вагонов. Подсчитано, что со дня рождения ленинградский трамвай перевез сорок миллиардов пассажиров! Это в десять раз превышает население земного шара.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

По горизонтали. 1. Краткое музыкальное приветствие. 5. Порода собак. 7. Раздел математики. 8. Вселенная. 10. Автор книги «Десять дней, которые потрясли мир». 12. Клеймо для мечения сельскохозяйственных животных. 15. Начало дня. 16. Род дорожного чемодана. 17. Неискренний, лицемерный человек. 18. Переносное жилище кочевых народов. 19. Приток Оки. 20. Приток Днестра. 23. Принадлежность многих спортивных игр. 25. Род стихотворно-

го произведения. 27. Фруктовое дерево. 28. Растительное сообщество. 29. Часть пьесы.

По вертикали. 1. Отдельная книга в собрании произведений. 2. Геометрическое тело. 3. Деталь швейной машины. 4. Пионерское собрание. 5. Подарок. 6. Время обращения Земли вокруг Солнца. 9. Наука. 11. Драгоценный камень. 12. Минерал из группы силикатов. 13. Деталь фотоаппарата. 14. Гимнастический снаряд. 21. Поэт, певец. 22. Водоплавающая птица. 23. Портовое сооружение. 24. Мера времени. 25. Насекомое. 26. Спортивный термин.

ПО ДВЕ БУКВЫ

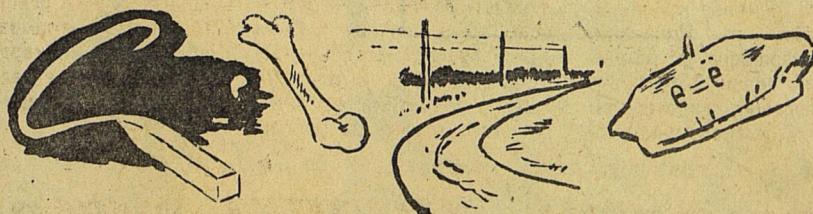
(Составил Вася МАЛИНА)

Возьмите из каждого слова по две смежные (рядом стоящие) буквы, выбрав их так, чтобы составила пословица.

Каприз, локоть, изгнанник, повстанец, берег, восход, цветок, тайна, снег, огонь, поляна, невидаль, тишь.

РЕБУС

5,4,3,2,1,6

Разгадав этот ребус, вы прочтёте пословицу.

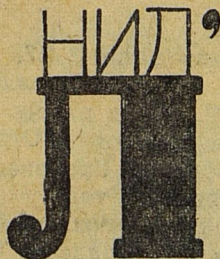
АНАГРАММЫ

(Составила Галя ЕФИМОВА)

Из букв каждой пары слов, приведённых ниже, можно составить название города. Попробуйте это сделать.

1. Кот, сор.
2. Род, гон.
3. Нил, дуб.
4. Ров, утка.
5. Бум, ласт.

ХИТРЫЙ РЕБУС

Читали вы это произведение
А. П. Чехова?..

Проверь себя

(Ответы к «Искорне» № 1)

КРОССВОРД

1. Хиль. 2. Кино. 3. Утро.
4. Нуль. 5. Копь. 6. Гора. 7. Июнь.
8. Путь. 9. Дуга.

ХОДОМ КОНЯ

«Волк на псарне».

РЕБУС

Назвался груздем, полезай в кузов.

КРИПТОГРАММА

«Рождённый ползать летать не может».

Содержание

Вам продолжать. Статья	
Н. Внукова	1
Стихи о весне. Стихотворение	
Б. Кежуна	4
До свиданья, Мишка! Глава	
из повести Н. Морозова . . .	5
Уходят поезда. Стихотворение	
Мих. Садовского	13
Приз. Рассказ В. Петрова . .	14
Тимкины крылья. Продолже-	
ние повести К. Курбатова . .	19
Россия снежная и знойная.	
Стихотворение Ник. Кутова;	
Синий вечер. Стихотворение	
С. Когана	39
Жил ли на самом деле «Гад-	
кий утёнок»? Статья	
Вл. Сашонко	40
В заповедном лесу. Рассказ	
Георгия Кубанского	45
Воробей. Стихотворение	
Ник. Филиппова	55
Знаменитые женщины. Статья	
Э. Миронова	56
«Не люблю «слизывать». Ста-	
тья Г. Бельтюковой	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят . .	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Бочкарёва «С праздником!».

На 2-й странице обложки рисунок художника Ю. Лаврухина «В Горках».

На 3-й странице обложки рисунок шестилетней художницы Аллы Король.

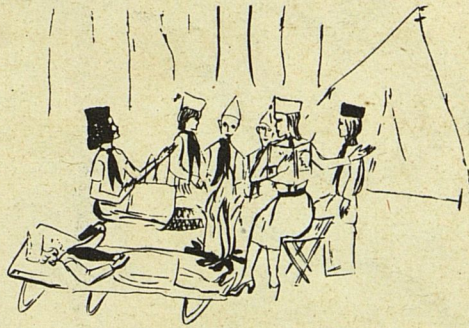
На 4-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Последняя лыжня».

Редактор

В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23. Фонтанка, 59, комн. 115.

Сдано в набор 29/1 1968 г. Подписано к печати 20/III 1968 г. 4 печ. л.
М-24122 Заказ № 284. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 69 500 экз.
Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Цена 10 коп.

